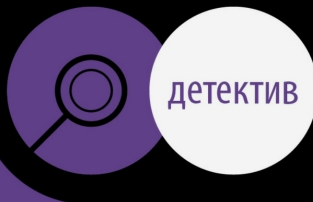

Любому событию
предшествует
цепочка обстоятельств.

ЛИНИЯ РАЗЛОМА

Наталья Жердецкая
Анастасия Жердецкая

16+

Наталья Львовна Жердецкая
Анастасия Олеговна Жердецкая
Линия разлома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51854968

SelfPub; 2020

Аннотация

В полицию поступает сигнал о том, что найден труп мужчины, убитого ударом топора по голове. На место происшествия выезжает опергруппа, возглавляемая майором Голубчиковым. Так начинается детективная история, в которой достаточно быстро разберутся сыщики. Но на этом преступление не заканчивается. Оно уводит читателя в прошлое и знакомит с безжалостным, жестоким убийцей, но в то же время гениальным махинатором, который возобновляет свою преступную деятельность в наши дни. Много людей встречаются ему на пути. Кого-то он хладнокровно убивает, а кто-то помогает ему идти напролом через человеческие судьбы. Но однажды в жизни героев наступит такой момент, когда им придется осознать, на чьей они стороне: добра или зла? И смогут ли преодолеть линию разлома в своей душе? Приятного чтения!

Содержание

Часть 1. Падшие ангелы	4
1	4
2	11
3	16
4	22
5	28
6	35
7	39
8	45
9	48
10	56
Часть 2. Контракт со смертью	58
1	58
2	63
3	67
4	71
5	75
6	79
7	84
8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Часть 1. Падшие ангелы

1

Рабочий день подходил к концу.

Майор Голубчиков дописал последнюю фразу в деле о покушении на убийство, сложил все бумаги в папку и аккуратно завязал ленточки бантиком. Затем встал, потянулся, удовлетворенно крякнул и позвонил стажера.

– Ритуля, – попросил он ее, – не в службу, а в дружбу, отнеси в архив, – и как бы оправдываясь, заглядывая в глаза девушки, сказал: – Я побежал. Если к ужину не куплю хлеба, меня Наташка выгонит из дома.

Рита рассмеялась. Как можно отказать такому человеку, от которого всегда веет теплом и добротой?

Жукова вспомнила, какое впечатление он произвел на нее, когда она по направлению деканата юридического факультета прибыла для стажировки в отдел.

– Здравствуйте, – приоткрыв дверь, поздоровалась Рита, впервые заглянув в святая святых «убойщиков» райотдела полиции в г. Мохов.

Человек, сидевший за столом, никак не был похож на бравого сыщика. Скорее, наоборот, он больше напоминал клоуна без грима, без яркого костюма, при взгляде на которого

хотелось улыбаться.

Вот и Рита невольно улыбнулась и зашла в кабинет.

– Меня зовут Жукова Маргарита. Я прибыла по направлению в ваш отдел, – она положила на стол свои документы.

Человечек маленького роста, лысый, с пухлыми губами и носом картошкой, отвлекся от писанины, встал и протянул ей руку:

– Майор Голубчиков. Сергей Сергеевич. Добро пожаловать, стажер, в наш коллектив.

Так две недели назад началась ее служба в полиции спокойного провинциального уральского города.

Рита взяла из рук майора папку и только направилась к двери, как ее чуть не сбил с ног дежурный по райотделу. Он ворвался в кабинет с таким видом, будто только что наяву увидел пришельца, и крикнул:

– Сергеич! У нас убийство!

Голубчиков как раз надевал пальто и старательно пытался попасть одной рукой в рукав. Увидев возбужденного Петрова, плюнул, стянул непослушное пальто и повесил обратно на вешалку.

– Ну что ты орешь, Виталик, как будто тебя разрезали пополам? Доложи спокойно.

– Так тут такое дело, товарищ майор, человека зарубили.

Успокоившись, совсем еще молодой, недавно начавший службу в полиции дежурный поведал, что минут пять назад позвонила женщина и сообщила, что убит мужчина ударом

чем-то тяжелым, похожим на топор, по голове.

– Вот адрес, – Петров протянул клочок бумаги.

– Рита, отставить, – майор по телефону набирал экспертный отдел. – Что за черт? Где его носит? – затем распорядился: – Успеется в архив. Беги в лабораторию, найди Капустина. А я сообщу Хайруллину.

Еще через несколько минут оперативники выехали на место преступления.

Картина открылась жуткая, от которой даже выдавший всякое криминалист Жора Капустин содрогнулся. В бедно обставленной комнате на стареньком диване лежал, свернувшись калачиком, мужчина.

Лицо было невозможно рассмотреть, так как череп был раскроен и, судя по всему, ударов было нанесено несколько. Человек лежал в луже крови. Кровь была на полу, стенах и потолке.

На кухне сидела старенькая женщина и безжизненными глазами смотрела на лейтенанта Хайруллина.

– Скажите, Елизавета Васильевна, что здесь произошло? Я понимаю ваше горе, но без ваших показаний нам будет сложно начать расследование, – пытался разговорить ее Ринат.

Старушка обхватила голову руками и зарыдала в голос, причитая:

– Сыночек мой, сыночек!

– Как звали вашего сына? – лейтенант все еще надеялся

хоть что-то вытянуть из женщины.

– Бесплезно. Оставь ее, – сказал майор, – пусть ею займется врач. Опроси соседей. Может, кто-нибудь что-нибудь видел или слышал. Хотя... на этой улице, похоже, мало, кто живет, – и уже обращаясь к Жоре, крикнул: – Заканчивай тут все, завтра доложишь.

Сергей Сергеевич Голубчиков вышел на улицу. Темно, ни одного фонаря, холодно, сыро. Только сейчас он понял, как устал за целый день, а, может, за долгие годы службы?

Службу свою майор любил всегда. Даже тогда, когда чуть не вылетел с нее за якобы превышение должностных полномочий. Этого наглого мажора Алика, сына хозяина местной пивоварни, он не забудет никогда.

Голубчиков достал сигарету, повертел в руке, понюхал и отбросил прочь. Вот так и бросает курить. Но всегда в кармане носит пачку сигарет. Вроде, так спокойней.

Что привело его в профессию? Мама – учитель словесности, папа – бухгалтер. Семья жила тихо и по-своему счастливо. В школе Сережа увлекался физикой, математикой, ходил в авиамодельный кружок. Мечтал стать великим ученым, поступить на физфак, а оказался студентом юрфака. После службы в армии попросил направить его на оперативную работу в местное отделение тогда еще милиции.

Может быть, на выбор повлияла его внутренняя доброта, желание защищать слабых? Неудивительно. В те старые незабвенные времена большинство мечтало быть полезным

своей Родине. Видимо, так и стал оперативником Сергей Сергеевич. И надо же! Не разочаровался.

А ведь не все идеалисты-мечтатели смогли так же, как он, служить долгие годы на своем посту. Он до сих пор помнит лучшего друга отца – дядю Леву, их долгие разговоры на кухне, где можно было вешать топор от огромного количества выкуренных папирос. Особенно врезалась в память одна история о том, как молодого Льва пригласили после армии служить в КГБ в Челябинске. Молодой человек принял с энтузиазмом разоблачать врагов Советской власти. Даже вышел на подпольный бордель, в котором по его оперативной информации могли осуществляться встречи с представителями иностранной разведки. Лев ждал поощрения, похвалы и, конечно, мечтал принять участие в штурме заведения. Однако пылкого службиста вызвало начальство, велело принести все материалы по делу и забыть о нем навсегда. Оказалось, что этот бордель обслуживал работников областного комитета Коммунистической партии. Льва, правда, все же поощрили именными часами и предложили заняться другим делом. Однако молодой человек был максималистом и свято верил в идеалы Родины, поэтому уволился из органов и вернулся к работе по диплому инженера-энергетика.

Может быть, еще и потому, в память о тех, кто исполнял свой долг на совесть, погибал на посту от рук нечисти, Сергей решил доказать себе, что может делать общество чище и справедливей?

Однако жизнь распорядилась по-своему: идеалы вскоре ушли, а преступность осталась. И с ней кто-то должен был бороться. Так Сергей Сергеевич постепенно врос в профессию и прикипел к ней всей душой, да настолько, что не бросил рапорт на стол руководству, когда освободили Алика, которого он взял, что называется, на горячем. Парень нагло, не стесняясь, торговал наркотиками в местном баре. В тот вечер от передозировки скончалась 14-летняя девочка.

Голубчиков самолично скрутил этого ублюдка, составил протокол при понятых об изъятии наркотиков и доставил в отделение.

На следующий день его вызвали к руководству, предъявили превышение служебных полномочий, подтасовку улик. В итоге Алик с ехидной ухмылкой прошел мимо, а Сергеичу вкатили выговор о неполном служебном соответствии. Пришлось проглотить.

Конечно, если бы не Натка, наверно, начал бы пить или уволился. Но жена поддержала, помогла, по сути спасла. Вот так всегда: когда плохо, безвыходно, а дома – тепло, уютно, сытно, жена, дети. И хочется жить и дерзать дальше.

– Сергеич! – оклик Рината, младшего оперативника, вернул Голубчикова к действительности. – Какая-то улица нежилая. Через два дома отсюда живет семья. Но они ничего не слышали. Только вернулись с работы.

– Пожалуй, со свидетелями, на самом деле, туго, – резюмировал майор, – придется самим поднапрячься. Ладно. Ез-

жай домой. Сегодня с матерью убитого поработают врачи скорой. Пусть придет в себя. Такое горе. Видимо, личность убитого придется нам самим устанавливать.

– Мы же знаем фамилию матери. Завтра посмотрим по базе.

– А если фамилии разные? Все. По домам.

2

Утром следующего дня, по пути на работу, майор заглянул в морг.

Леша Ванин, патологоанатом, уже закончил вскрытие тела вчерашнего убитого и что-то записывал в журнал. Увидев Голубчикова, улыбнулся:

– Ох и нетерпеливый вы, Сергей Сергеевич! Я как раз пишу заключение.

– Ладно, – пробурчал майор, – есть еще что-то?

– Все очевидно, господин начальник, – не унимался Леша, – смерть наступила от ударов, нанесенных топором в область черепа. Есть еще одна рана на бедре. Судя по всему, тоже от удара топором, полученная примерно в то же время, что и по голове. Но не глубокая и не смертельная. Так что, ищите орудие преступления. Это единственная причина.

– Как думаешь, – спросил Голубчиков, – кто мог нанести такие удары?

– Имеете в виду мужчина или женщина? – уточнил Ванин.

– Да, – майор подошел к телу, накрытому простыней, отодвинул край и поежился от увиденного.

– Да кто угодно, – ответил Леня. – Даже подросток, если, например, убитый спал.

– Понятно, – еле слышно отреагировал Сергей Сергеевич, пожал руку доктору и вышел вон.

Пока ехал в отдел, думал об убитом:

«Кто же тебя так, парень? Чем же ты заслужил такую смерть?»

Если бы Юрий, а именно так звали мужчину, мог говорить, он бы, наверное, рассказал майору о своей проклятой судьбе, в которой тоненькие белые полосы лишь изредка чередовались с непроходящими огромными черными.

Например, начал бы с того, как однажды в яркий солнечный весенний день вышел за ворота колонии, в которой отбывал наказание за убийство.

Пятнадцать лет от звонка до звонка. В свои 40 лет он и не помнил жизни на свободе. Это была третья ходка, самая длинная, самая страшная, самая унижительная.

Закинув рюкзак на плечо, Юра побрел к железнодорожной станции. Предстоял длинный путь домой, в Мохов.

За окном плацкартного вагона мелькали пейзажи великой России, а мысли уносили его в родной Донбасс, где он родился, и который навсегда остался для него самым светлым воспоминанием.

Своего отца Юра никогда не видел и не слышал о нем. Рос вместе с матерью, которая пыталась оградить его от всех невзгод. Елизавета Васильевна была женщиной тихой, простой, работала нянечкой в детском саду. Красотой не блистала. Сына родила, что называется, для себя. Советская власть выделила ей однокомнатную квартиру в центре города.

Чем могла женщина баловать сына на зарплату в 60 со-

ветских рублей? Наверное, только своей неземной любовью. Сыночка одевала просто, но чистенько. Игрушки иногда таскала ему из детского сада. Оттуда же приносила еду. Так и жили, пока Юрочка не начал взрослеть. В школе среди одноклассников авторитетом он не пользовался. Учился плохо, без интереса, одевался бедно, интеллектом не был обременен, поговорить с ним было не о чем. Поэтому держался в классе особняком. Никого не трогал, его не замечали. Но это вовсе не означало, что внутри горячей души Юрочки не кипели страсти. Ему очень нравилась девочка из соседней квартиры. Он сильно хотел с ней подружиться. Она не отвергала его и всегда с удовольствием с ним болтала. Но однажды, когда он осмелился пригласить девушку на свидание, она не пришла. Он долго ждал ее, продрог, к горлу подкатывал комок. Весь мир казался злым и чужим. Юра не понимал, почему его отвергают. Он не понимал, почему он хуже других ребят. Ему и в голову не могло прийти, что для симпатии мало только лишь смазливой рожицы, коей он, кстати, обладал. Нужно еще что-то. Развитие? А для этого желательно читать, посещать театры, музеи.

Самое интересное, что в советские времена изысканная одежда и изысканные манеры отходили на второй план, уступая место эрудиции, интеллекту. Босоногий, небрежно одетый пацан, исполняющий свои песни под гитару, моментально становился кумиром всей дворовой братии.

Юра был далек от этого. Книг не читал, телевизора не бы-

ло. Мог часами сидеть на диване, уставившись в одну точку. Мечтал о чем-то, наверное.

Так вот, пока он ждал свою соседку и понимал, что она не придет, внутри начала зарождаться злость. А тут еще, как назло, увидел мать, которая пряталась в кустах и следила за ним. Моментально гнев, возмущение, обида вылились бурным потоком на нее. Чего она только ни слышала! И зачем его родила, и жизнь ему поломала, и что у других ребят матери, как матери, и только она – хуже всех! Елизавета Васильевна застыла в полном оцепенении. Она, конечно, не первый раз следит за сыном, но делает это из благих побуждений, ради него. Но чтоб так, чтоб такая реакция от любимого сыночка? Не выдержала, разрыдалась, побежала домой. Думала, сынок догонит. Увы. Юра обозлился и на нее, и на соседку, и на весь мир. С этого момента прежнего Юры не стало. Озлобленный, взъерошенный подросток искренне не понимал, почему с ним все так плохо. Лишь одно осознание засело в его мозг – дальше он так жить не будет.

Домой в тот вечер Юрка не пошел. Брел по улице к скверу, где собиралась особая молодежь тех лет. Тусовка. Джинсы, майки, на головах ирокезы. Одним словом, панки и неформалы. Вот тут-то его встретили очень весело, дружелюбно, налили «Агдама», популярного портвейна, предложили закурить. К своим 14 годам Юрочка уже имел довольно приличный стаж курильщика – целых пять лет. Вот и сейчас он с удовольствием затянулся и почувствовал, как улетает. Мерз-

кий ненавистный мир вдруг оказался где-то далеко внизу, вокруг раздавались сладкие мелодии, тело освободилось от тяжести, мысли – от неприятностей. Как здорово! Девчонки вокруг ласково смотрели на Юру, принимали его ласки, не отталкивали. Вот она настоящая жизнь! Его жизнь.

Когда кайф прошел, он пошел домой. Уже совсем другой человек позвонил в дверь и грубо оттолкнул мать, которая набросилась на него, как фурия, с руганью и расспросами, где был. Впервые Юрочка позволил назвать мать непозволительным словом и пошатываясь рухнул на диван.

Спал он долго. О школе не думал. Елизавета Васильевна после вчерашнего боялась подойти, чтобы разбудить. Так и ушла на работу, оставив завтрак на столе и записку, в которой просила не прогуливать школу.

Юра проснулся в новой для себя жизни. Сел на диван и начал думать. Соседка – тварь. Он ей еще отомстит за то, что отвергла его. Мать – ничтожество. Она должна ему, как земля колхозу! Одноклассники – полное фуффло, нелюди. А вот ребята с тусовки – это люди. Отныне он принимает их образ жизни и их веру.

Встал с дивана, побрел на кухню. С отвращением смахнул блинчики на пол, попил воды, оделся и ушел в новую жизнь. Навсегда. Насовсем.

В скверике у театра оперы и балета уже кучковались первые бездельники. Было видно, что им скучно и пока нечем заняться. Юру, однако, встретили громким улюлюканьем, очень дружелюбно. Парни хлопали его по плечу, девочки целовали в щеки. Складывалось впечатление, что свой пришел к своим. Юрка был на седьмом небе от счастья! Наконец, его понимают, принимают. Он равный среди равных! Эйфория длилась недолго. Ровно до того момента, пока не пришел Хмель, видимо, старший среди них.

– Ну что, молодняк, оттянемся? – и начал раздавать дурь.

Когда очередь дошла до Юрочки, Хмель хитро улыбнулся и спросил его:

– Может, чего покрепче? Ты не стесняйся, здесь все свои.

Юра, конечно, желая укрепить свой авторитет, попросил покрепче. На что добрый Хмель выдал ему пакетик и проинструктировал, что с ним делать. В этот раз Юра не просто улетел, а умер. На время. Но так кайфово. И опять все вокруг такие милые, такие свои.

Домой идти не хотелось. Пошел с пацанами «на хату». Где-то у кого-то предки уехали, можно кайфовать неделю.

Так и завис. На неделю. В эйфории, без времени, без реальности.

Когда очнулся, Хмель выставил счет за дурь.

Юрка обалдел. И от суммы, и от неожиданности. Реальный мир вернулся и опять долбанул по голове.

– А ты что думал, я тебя буду просто так гулять? Хочешь кайфа, плати, – и выставил очумевшего Юрика за дверь. – Срок – неделя. Не вздумай петлять. Найду – убью.

Опустошенный, еще не до конца понимающий, что произошло, добрал до дома.

Вид плачущей матери взбесил. Впервые в жизни ударил ее по лицу, да с такой силой, что женщина отлетела и ударилась головой о стену, потеряла сознание. Юрочка испугался, начал трясти мать. Слава Богу, очнулась. А когда окончательно пришла в себя, потребовал у нее деньги. Много денег.

Поначалу он думал, что отдаст долг и завяжет.

Но жизнь распорядилась иначе. Уже через два дня начались сильные ломки, и стало ясно, что никуда ему от этого не деться. А силой воли, чтобы завязать, Юрочка не обладал.

Так пошло-поехало. Теперь за дозу надо было платить. Дорого, очень дорого, еще дороже. Начал постепенно продавать ценные вещи из дома. Требовал деньги от матери. Она искала. Иначе он ее бил. Однажды добрый человек предложил сэкономить и купить целый мешочек сухих маковых головок. Научил, как из них варить зелье и пускать по вене. понадобилась мясорубка. Свою он уже давно продал. Попросил у соседки, той самой, которая не пришла на свидание. Иришка рассмеялась и спросила его:

– Что, котлетки будешь делать?

– Буду, – буркнул Юра и скрылся за дверь.

Но через полчаса он уже тарабанил в дверь и просил о помощи. Ира открыла и ужаснулась. Перед ней стоял сосед, весь в крови, держал в руках ее электромясорубку, внутри которой лежала отрезанная фаланга его указательного пальца.

Но девушка не испугалась. Ей уже приходилось оказывать первую медицинскую помощь. Она затащила его к себе, работала и перевязала рану.

– Юра! Что случилось?

А случилось все очень просто: Юрочка решил перекрутить маковые головки на мясорубке, при этом проталкивал их пальцем.

Ира поморщилась от услышанного. Наркоман. Ее сосед – наркоман. Звучало, как приговор.

Собственно, вскоре ему и вынесли-таки приговор в народном суде. Обвинение предъявили за хранение и употребление наркотиков. Дали 2 года общего режима.

Мать до последнего билась за сына. Когда пришли к ним с обыском, она героически высыпала мак в форточку на кухне. Не помогло. Иришку позвали понятой. Она не была в квартире у соседей, наверное, года три. Когда зашла к ним, обомлела. Некогда уютная, небогатая, но аккуратно обставленная комната, теперь выглядела, как изолятор временного содержания: старый диван, стол, стул. Все. Ни шторок на окнах, ни милых салфеточек на диване и креслах, ни радиолы,

ни ковровой дорожки. Пустота. Голый пол, голые стены. И сильно постаревшая Елизавета Васильевна.

Из колонии Юрочка вернулся разбитый, с кучей болячек. Но не один. Привез с собой существо женского пола. Бледная, худая, неразговорчивая. Они нашли друг друга по переписке. А потом выяснилось, что она тоже наркоманка. Так что недолго радовалась Елизавета Васильевна возвращению Юрочки. Было жалко ее. За два года отсутствия сына женщина похорошела, посвежела, купила в рассрочку холодильник. А тут опять закрутилось, покатилося: драки, скандалы. К наркотикам добавился алкоголь. Совсем не стало жизни.

Чаша терпения переполнилась, когда однажды, вернувшись с работы, она не нашла холодильник. Зато в квартире стоял запах перегара, на полу валялись шприцы и участники оргии – Юрочка и Леся, гражданская супруга. Причем в голлом виде. Женщину охватил ужас, и она вызвала милицию.

Приехавший наряд погрузил тела в милицейскую машину. Опять в присутствии понятых изъяли наркоту. Взяли с хозяйки заявление о краже холодильника. И опять пошел Юрка по этапам. Но на этот раз дали 5 лет.

Время пролетело незаметно. Конечно, Елизавета Васильевна любила своего непутевого сына и ждала его. Дождалась. Юрочка вернулся еще более злой и агрессивный.

Сразу с порога объявил матери, чтобы в комнате не появлялась.

– Спи, где хочешь, сволочь старая, – заявил он ей и на

следующий день взрезал в дверь комнаты замок. Установил там электроплитку и начал автономное существование.

Иногда, правда, нарушал затворничество и требовал от матери денег. Если не давала, бил.

Однажды, спустя две недели после освобождения, он встретил на лестничной клетке соседку Иришу. Какая же она красивая стала! И как от нее приятно пахнет. Он прямо разомлел и предложил ей погулять с ним вечером. Иринка, хохотушка, приняла это предложение, как шутку. Рассмеялась, да так заливисто, что Юрочку мгновенно обуяла злость, обида на нее, на мать, на всю свою поганую жизнь, что он, не думая, сгоряча со всей силы оттолкнул ее. Ирочка упала. Неудачно. Скатилась с лестницы и замерла.

Наступила тишина. Гробовая тишина. Ирочка лежала, не шевелясь, в двери стояла плачущая мать.

– Вызывай ментов, – махнул рукой и сел на ступеньку.

Вот так Юрий Вадимович Коротков загремел на пятнадцать лет.

Пока сидел, мать продала квартиру в Донецке и уехала на родину в г. Мохов. Там, в небольшом домике на окраине она ждала своего непутевого сына из заключения.

Обо всем об этом мог бы рассказать Юра майору, если бы его не убили. При жизни было некому излить душу. Кроме одного человека – Димы Голикова, мать которого дружила с Елизаветой Васильевной. Иногда, очень редко, они проводили время вместе, несмотря на большую разницу в воз-

расте. Юра доверял Диме и во всем слушал. Возможно, его жизнь сложилась бы иначе, если бы не прекратились отношения между ними. В девяностые их матери стали реже видеться, а потом и вовсе потерялись.

Тем временем Сергей Сергеевич бодрой походкой вошел в кабинет.

– Всем привет! Чего уставились? Несколько часов не виделись, а такое чувство, что вы по мне соскучились. Рассказывайте, что нарыли.

Голубчиков снял пальто, аккуратно повесил за дверь. Затем повернулся и только тут заметил, что кроме Рината в комнате никого нет. Пошлепал губами, немного сконфузившись, и обратился к нему:

– Что с матерью убитого? Как она? В состоянии дать показания?

– Да. Рита поехала к ней. Врачи говорят, что она в порядке.

– А что у криминалистов? Где Георгий? – похоже, майор начал нервничать.

– Сейчас схожу за ним, – Ринат быстро направился к выходу. – Сергеич, кофе будете?

Он еще спрашивает! Конечно! К кофе в семье Голубчиковых особое отношение. Они, собственно, познакомились с Наткой в кофейне в тот самый перестроечный период, когда «гласность» и «ускорение» подстегивали ушлых и смышленных за свои деньги переоборудовать общественные туалеты под предприятия общественного питания. И не толь-

ко их, конечно. Частный капитал постепенно начал заходить в государственные столовые и кафе. Появились первые кофемашины, атмосфера кофеен наполнилась уютом, располагающим к общению. Изменился интерьер, ушла казенщина. В меню появились милые десерты из маленьких пекарен. Пить кофе в таких заведениях стало особым ритуалом. За столиками с чашечками ароматного кофе собирались компании любителей поговорить о жизни, о переменах к лучшему. Прошли годы, а культ кофепития остался.

После короткого стука в дверь в кабинет ввалился Жора, огромный очкарик. И как он умудряется филигранно собирать улики на месте преступления?

– Сергеич, все образцы крови, взятые в комнате на месте преступления, одной группы и принадлежат убитому. Орудие убийства пока не найдено.

– А что по отпечаткам? – спросил майор.

Жора поправил очки, положил папку на стол, достал какой-то листок и отчеканил:

– Снятые отпечатки принадлежат троим: матери, сыну и кому-то третьему. По базам не проходят. Возможно, принадлежат убийце.

– Ладно, – задумчиво ответил Голубчиков, отхлебнул кофе из бумажного стаканчика, смешно причмокнул, затем проводил Жору к двери:

– Иди. Только недалеко. Я дождусь Маргариту, съездим еще раз на место преступления.

Ринат и Рита практически одновременно вбежали в кабинет, смеясь, толкаясь, подшучивая друг над другом. Ринат отчаянно симпатизировал стажеру Жуковой, а та, в свою очередь, с удовольствием пользовалась его симпатией к ней. Вот и сейчас она забрала его кофе и, устроившись на диванчике, начала смаковать напиток.

– Ритуля, не томи. Что по матери?

– Так, мать – Короткова Елизавета Васильевна, 70 лет, пенсионерка. Говорит, что после пяти вечера в дом ворвались двое. Сначала о чем-то громко говорили, потом начали бить ее сына, а потом, судя по крикам, совершили нападение. Но самого преступления она не видела, только слышала, так как находилась в другой комнате. На вопрос, как убийцы проникли в дом, ответила, что сама им открыла, потому что те представились сослуживцами Юры и якобы пришли по работе. Когда услышала шум, испугалась и поэтому сидела тихо. Странно, конечно, – Рита остановилась на секунду и затем продолжила докладывать: – Я привезла документы погибшего. Это Коротков Юрий Вадимович, 40 лет, слесарь автобазы на Рудокопровой.

Маргарита говорила бойко, обстоятельно. Красивая, глаз не отвести: высокая, стройная. всегда одета со вкусом. Очень исполнительная и подающая надежды. Не заметить ее было невозможно. Сотрудники райотдела, как могли, старались обращать ее внимание на себя: кто занесет в отдел конфеты для нее, кто цветы, кто просто заглянет лишний раз полюбо-

ваться ею. Но больше всех вокруг нее крутился Ринат. Похоже, сильно задела его сердце.

– Молодец, Рита! – похвалил Голубчиков. – Собирайся, поедем опять туда. Надо внимательно еще раз осмотреть дом, участок. Вдруг, орудие убийства где-то поблизости?

– А ты, – обратился он к Ринату, – проверь, не проходил ли наш убиенный по базам. Уж очень обстановка в доме странная.

– Слушаюсь, товарищ майор! – Ринат включил компьютер.

В отделе Хайруллина окрестили компьютерным богом. Практически хакер на ставке. Он по чистой случайности попал в полицию. Как-то сотрудники ОБЭП вышли на след банды, грабящей банковские вклады горожан. Преступление – исключительно компьютерное. Тогда же начальник полиции подключил Рината, который подрабатывал в компьютерной фирме, принадлежащей его другу и однокласснику. Хайруллин блестяще вычислил компьютерных хулиганов, после чего подполковник Авдеев предложил ему место в оперативном отделе, должность и звание лейтенанта. Ринату понравилось работа, его увлекла романтика сыска, и он прекрасно вписался в группу оперативных работников.

– Сергей Сергеевич! Можно с нами поедет Леня Бунич? – Рита закончила пить кофе, смяла бумажный стаканчик и вложила его в руку Рината, поблагодарила за напиток, взяла сумку и направилась к столу майора.

– Эта газетная крыса? – недовольно спросил он.

– Ну зачем вы так? – Жукова мило оттопырила нижнюю губу. Как ей можно отказать? – Вы же сами меня обязали работать с прессой.

Голубчиков сдался. Все-таки ничего особо важного для руководства в этом деле нет. Попахивает бытовухой. Статья попадет в городские «Криминальные хроники». Руководство лишней раз поощрит за плодотворную работу с прессой.

– Ладно, черт с ним. Пусть подъезжает.

Рита обрадованно, по-детски, захлопала в ладоши.

Еще бы! С этим Леней у нее сложились особые отношения с тех самых пор, как она с родителями приехала в Мохов из объятаго пламенем войны Донецка. Что называется, голые-босые. Горожане с сочувствием отнеслись к переселенцам из Донбасса. Помогали, как могли. Особенно отличился Леня. Серия его статей о дончанах позволила горожанам узнать весь ужас положения, в которое они попали. Люди моментально понесли гуманитарную помощь, мобильные телефоны, сим-карты. Кое-кто брал на поруки целые семьи.

Леня проникся сочувствием к семье Риты и взял их жить к себе в четыreshку.

Со временем родители девушки подыскали работу, а сама она поступила в университет на юрфак. Встали на ноги, сняли квартиру. Но с Леней остались с тех пор теплые, почти родственные отношения.

Не успели Голубчиков и Жукова закрыть за собой дверь, как Ринат выдал им вслед новость:

– Сергеич, подождите! Покойник-то наш был судим за убийство и по 105 оттрубил пятнашку. Освободился месяц назад. Так, может, его убили за старые дела? Кто-нибудь из родственников убитой мстит?

– Все может быть, – согласился Голубчиков. – Ты давай, пробей их, родственничков. На самом деле, чем черт не шутит. Подними, короче, его уголовное дело.

Сергей Сергеевич и Рита вышли на улицу, где их поджидал Митрич, водитель РОВД. Вдруг Жукова остановилась и молящим голосом обратилась к майору:

– Сергей Сергеевич, пожалуйста, пусть с нами поедет криминалист! На всякий случай. Что-то мне в этом деле все кажется подозрительным.

– Например? – спросил Голубчиков.

– Доедем до места преступления, и я вам там расскажу.

– Ладно. Садись в машину, – сказал майор и улыбнулся, глядя на девушку: – Рита, запомни, опергруппа без криминалиста, что курица без перьев, – потом обернулся и указал рукой на подбегающего Жору: – А вот и он. Поехали, Митрич!

Через полчаса оперативная группа прибыла к дому Коротковой.

При дневном свете улица производила еще более унылое впечатление. Судя по всему, газ и асфальт сюда не добрались. Пустынно, тихо, ни души.

– Ну, с Богом, – благословил группу Голубчиков, и оперативники направились к дому.

На стук никто не ответил, но дверь оказалась не заперта. Елизавета Васильевна сидела на кухне.

Голубчиков поймал себя на мысли: «Дежавю какое-то. Как будто и не вставала с табуретки со вчерашнего вечера».

Тихо позвал:

– Хозяйка, можно войти?

Короткова подняла голову, кивнула. Спросила:

– Чаю хотите?

– Не плохо бы, – ответил майор. – А пока мы с вами будем чай пить, разрешите моим ребятам еще раз осмотреться?

– Пожалуйста, раз надо, – вяло ответила Короткова и поставила чайник на плиту.

Потом села и вопросительно посмотрела на собеседника.

На старушку, а именно так она и выглядела, больно было смотреть: маленькая, сухонькая, вся в глубоких морщинах с печатью боли и страдания на лице, глаза безжизненные, пустые.

– У меня ведь никого, кроме Юрочки, нет. А теперь вот и

его нет. Когда он в тюрьме сидел, у меня хотя бы смысл был его ждать. Понимаете? Смысл! А что теперь? – слезы тонкой струйкой покатались по ее щекам.

– Ну, ну, успокойтесь, Елизавета Васильевна, пожалуйста. Хотя...

Вот черт! Столько лет в сыске, столько раз смотрел в глаза смерти, столько покойников перевидал, а вот с родственниками погибших так и не научился говорить. А надо. Иначе никак не дойти до сути того, что же произошло на самом деле. Она сейчас – главный свидетель, от ее показаний зависит, в каком направлении пойдет расследование.

За долгие годы службы Голубчиков усвоил главное – правильно задавать вопросы свидетелю. От этого во многом зависит успех расследования преступления. Нужно уметь извлечь из памяти собеседника такие детали, на которые он сам не обращает внимание, но именно они укажут путь к разгадке ребуса. Очень часто приходилось слышать от свидетелей фразу: «А вы нас об этом не спрашивали». Поэтому к любому допросу или беседе надо подготовиться, сосредоточиться и чувствовать нутром собеседника: где он говорит правду, где врет, где просто не договаривает. Ох, как же это сложно!

«Итак, – майор на минуту задумался, – Жора нашел пальчики кого-то еще кроме Коротковых. С этого, пожалуй, и начнем».

– Елизавета Васильевна, с кем вы проживаете?

– Я и сын. Проживал. Двое нас. Было.

– Есть у вас еще родственники?

На плите закипел чайник. Короткова встала, сняла с полки чашки, блюдца, сахарницу. Поставила на стол. Достала чай в пакетиках.

«Дешевый, – подумал Голубчиков, – интересно, там есть чай?»

– Да нет. У нас больше никого и не было.

– А отец Юрия где?

Женщина тяжело вздохнула, налила себе кипятка, ответила:

– Откуда ж я знаю? Больше 40 лет не виделись.

– Никогда?

– Никогда.

«Вот и прокололась наша безутешная мать, – Сергей Сергеевич моментально уловил фальшь. – Что-то ты, голубушка, не договариваешь. Пока не врешь. Просто не договариваешь. Ладно, к теме с папашей мы еще вернемся. А пока надо нащупать третьего». И прямо в лоб спросил:

– Скажите, а кто к вам заходил на днях?

– Сосед, Гриша, – спокойно ответила Короткова. – Так он часто к нам заходит. Живут они тут рядом, через два дома. Он помогал мне, пока Юрочка был в колонии. Да и на днях заходил, проводку чинил, а то мы чуть не сгорели! Как коротнет! – Елизавета Васильевна оживилась. – Я и побежала за ним. А он такая умница, мастеровой. Вот и Юрочку при-

строил на автобазу слесарем.

Голубчиков не перебивал. Это еще одно негласное правило следователя. Выслушай все. Раз начала говорить, значит, будет толк.

А Короткова тем временем продолжала:

– Вот и в тот день он заходил. Юрочка как раз меня бил, – тут она спохватилась, что сказала лишнего и замолкла, утирая слезы.

«Вот тебе поворот! Юрочка-то наш, оказывается, маму бил. Интересно. Сосед заходил. Пока на этом остановимся», – Голубчиков допил чай и вышел в комнату, в которой работали Рита и Жора.

– Есть разговор, – сказал им, – выйдем на улицу.

Отойдя немного от дома, майор поведал коллегам о своей беседе с матерью убитого.

– Думаю, надо посетить этого благодетеля Гришу, да заодно взять его пальчики как-нибудь тихонечко. А пока, ребята, выкладывайте ваши соображения, – обращаясь к Рите, спросил: – Ты хотела показать, что тебе не нравится.

– Да, – стажер Жукова оживилась, – вот смотрите, Сергей Сергеевич, мать убитого говорила, что к сыну пришли двое, которые с ним дрались, а потом убили. Но в таком случае должны остаться следы драки по всей комнате.

– И к тому же, – перебил ее Жора, – поза у покойника странная для убитого в драке. И вскрытие показало, что следов побоев на теле убитого нет.

– Впечатление такое, – продолжила Рита, – что он спал, когда на него напали. Понимаете, спал! Свернулся калачиком и видел десятый сон.

– Единственное, что говорит о драке, – вступил в разговор Жора, – это следы на кулаках. Но не свежие. Во всяком случае, полученные не вчера. Есть, правда, резаная рана на бедре, более свежая. Но опять-таки к убийству не имеет отношения, не глубокая и как-то вскользь. Хотя, похоже, тоже получена топором. Может, дрова рубил и сорвался?

Голубчиков пошлепал губами и резюмировал:

– Что у нас получается? Вырисовываются два подозреваемых: мать убитого и сосед Гриша, возможно. Хотя с выводами спешить не надо. Это пока верхушка айсберга. У матери, по крайней мере, есть мотив. Избивал, издевался, довел до крайности. А у соседа? Начнем, пожалуй, с него. Короткова от нас никуда не денется. Виновата – накажем, а если нет?

Еще какое-то время сыщики осматривали двор в надежде найти орудие убийства. Патологоанатом четко установил, что убийство совершено топором.

Однако никакого топора ни в доме, ни на участке не было. Что было очень странным. Дом частный, отопление печное. Сарай забит дровами. Значит, должен быть топор. А его нет.

Григорий Правдин проживал через два строения вниз по улице. Жил с семьей: женой Татьяной и дочерью Анжелиной.

Дверь открыл сразу, пригласил незваных гостей пройти в дом.

Хозяин производил впечатление мужчины правильно-го, крепкого, полного сил, несмотря на возраст. Открытый взгляд, высокий лоб, смотрит в глаза прямо, словно не чувствует за собой вины. Вот и сейчас сам начал разговор:

– Я ждал вас. Знал, что вы ко мне придете.

– Вы хотите сделать признание? – спросил майор.

– Нет, – усмехнулся Григорий, – моей вины в смерти Юры нет, хотя убил бы, таким гадом был.

– Вы, гражданин, осторожней с подобными заявлениями, – майор даже голос повысил. Он не любил, когда разбрасывались такими словами. – Лучше разрешите моим экспертам осмотреть ваш двор. И налейте стакан воды, если можно, что-то в горле пересохло.

Пока Григорий наливал воду, в дом вбежал взволнованный Жора. Но Голубчиков не дал ему и рта раскрыть.

– Потом, на улице, не сейчас.

Тем временем хозяин принес воду. Аккуратно взяв стакан, Сергеич увлек Правдина за собой во двор.

– Георгий, – крикнул он, – что у тебя там?

– Топор, товарищ майор. Со следами, вероятно, крови.

Точно только экспертиза установит.

– Ну что ж, Ритуля, пиши протокол об изъятии улики. А ты, Жора, пробегись по улице за понятами.

Затем он обратился к Григорию:

– Гражданин Правдин, это ваш топор?

– Мой, – ответил тот, – а что такого?

Голубчиков продолжал:

– А как вы объясните следы крови на нем?

– Никак.

– В таком случае, гражданин Правдин, вы задержаны до выяснения обстоятельств. Если не виновны – отпустим. В противном случае, не обессудьте.

Голубчиков с легким сердцем поставил на стол стакан. Если бы не арест подозреваемого, пришлось бы на время тихонько позаимствовать тару. А так, теперь отпечатки снимут вполне официально, и следствие, наконец, поймет, нашелся третий или нет.

Пока вели Правдина к полицейской машине, подъехал журналист Бунич.

Рита приветливо помахала ему рукой:

– Эй, Ленечка, ты чего так поздно? Мы уже сворачиваемся.

– Главный задержал, – ответил Леня. – Можно я сделаю несколько фото с места преступления?

– Да делай уже, черт бы тебя побрал! – Голубчиков выругался тихо себе под нос и крикнул водителю: – Поехали!

6

Так закончился первый день расследования убийства гражданина Короткова.

Майор не спешил с допросом подозреваемого. Сидя за своим рабочим столом, он привычно рисовал на листке бумаги стрелочки, рожицы и размышлял.

«Что мы имеем? Убийство, очень похожее на бытовое. Убит топором. Топор найден у соседа во дворе. Возможно, это не тот топор, а, возможно, тот, но сосед что-то знает и молчит. Пока эксперты не скажут свое слово по орудию убийства, ломать голову незачем», – с этой мыслью он встал, выключил свет, закрыл кабинет и ушел домой.

Рано утром ему позвонили из дежурки:

– Сергеич, у нас опять убийство. Найден пожилой мужчина в лесополосе неподалеку от твоей Коротковой. Обнаружили собачники случайно. Эксперт и опера уже на месте. Ждут тебя.

Когда Майор Голубчиков прибыл на место происшествия, стажер Жукова и Ринат опрашивали свидетелей. Жора закончил колдовать над трупом и уже собирал свой чемодан.

Майор взглянул на тело, а Капустин ввел его в курс дела. Итак, убитый мужчина, согласно найденной при нем справке об освобождении, звался Пряхиным Егором Ивановичем, 58 лет. Родом из Мохова. На свободе уже как 3 недели, 2 из ко-

торых в качестве покойника. Смерть наступила от обширных множественных ран, нанесенных топором! Орудие убийства на месте обнаружить не удалось. Зато удалось сделать слепки подошв обуви предполагаемого убийцы. Или убийц.

– Смотри, Сергеич, – Жора обратил внимание майора на следы, – похоже, их было, как минимум, двое, – он присел и показал пальцем на примятую траву, – вот эти, поменьше, принадлежат или подростку, или невысокой женщине. А вот эти, скорее всего, мужские. Навскидку, размер 42-43.

Капустин выпрямился и продолжил выкладывать свои соображения дальше:

– Убийство произошло не здесь, так как рядом и вокруг трупа почти нет крови. Думаю, тело сюда перенесли. Или волочили. С этим надо будет разобраться.

Да уж, Голубчиков и сам знал, что место убийства может о многом рассказать следствию.

– Ну что ж, будем искать, – заключил он и крикнул санитарам: – Увозите!

«Пряхин, Пряхин, кто же ты такой? – думал по пути в отдел майор. – Надо будет расспросить о нем местных. Не случайно же он сюда забрел. А также сделать запрос в адресном столе о его регистрации до суда».

Уже зайдя в кабинет, майор дал задание лейтенанту, узнать адрес бывшего проживания Пряхина.

– Понимаешь, – сказал он ему, – важно понять, куда он шел после освобождения.

– Кстати, Ринат, – Голубчиков снова обратился к Хайруллину, – а что по делу Короткова? Выяснил что-нибудь по родственникам убитой?

– Да, товарищ майор, – отчеканил тот. – Убийство соседки по неосторожности. В городе Донецке. Так что, думаю, вряд ли мать девушки стала бы его искать через пятнадцать лет, чтобы зарубить топором.

– Ну да, ну да, – пробурчал себе под нос майор. – А ну-ка, Ритуля, сгоняй к криминалистам и без заключения по крови на топоре не приходи. Уволю!

– Сергей Сергеевич, уже несу! – Маргарита упорхнула, как весенний ветерок.

«Какая славная девушка, – подумал майор, – из нее выйдет настоящий следователь».

Затем позвонил в дежурку и попросил привести задержанного Правдина.

Ночь, проведенная в «обезьяннике», не пошла на пользу Григорию. Он осунулся, сгорбился и, кажется, даже состарился.

Сел напротив майора и посмотрел ему в глаза. Голубчиков улыбнулся, положил перед ним фотографию Пряхина и сказал:

– Гражданин Правдин, посмотрите внимательно на этого мужчину. Знаете ли вы его? Может, видели?

– Знакомое лицо, – всматриваясь, ответил Григорий. Несколько минут молчал, словно вспоминал что-то. Потом

по-детски шлепнул себя по лбу и вскрикнул: – Ну конечно! Такую рожу не забудешь. Видел я, как он недели две назад с Коротковой у нее во дворе ругался. Хотя кто такой и откуда я не знаю.

– Спасибо. Вы нам очень помогли. Хотите кофе? – Голубчиков сделал жест рукой в сторону Рината, мол, принеси нам два стаканчика. После набрал номер телефона Жуковой:

– Ритуля, не томи! Готово?

– Сергей Сергеевич, сенсация! – возбужденно щебетала Рита. – На топоре обнаружена кровь, принадлежащая Короткову Юрию!

– Спасибо, стажер. Тащи заключение сюда.

Голубчиков положил телефон. Он не спешил. Он думал. Внимательно наблюдал за подозреваемым, который с наслаждением смаковал кофе. «Ведет себя так, будто совесть чиста. Что ж, подумаем еще, а ты, дружок, пока посиди. Время терпит».

Набрал дежурку:

– Уведите задержанного.

В кабинет ворвалась секретарша Авдеева.

– Сергей Сергеевич! Вас срочно вызывает товарищ подполковник! Злой, ужас!

– Иду, – отчеканил Голубчиков, взял папку по делу Короткова и вышел из кабинета.

– Это что, я тебя спрашиваю? – Авдеев в ярости тряс перед носом майора газетой «Криминальные хроники». – Убийство Короткова раскрыто! Поздравляю! Какой-то журналюга все раскрыл! Отдел можно распустить! Достаточно одного Бунича на всю полицию и стопроцентная раскрываемость гарантирована! – Авдеев кинул газетный лист на стол. – Забирай к чертовой матери! И разберись! Даю сутки, общественность требует от полиции принятия мер. Все! Иди с глаз моих!

Все-таки не зря Голубчиков ненавидит журналистов. Хотя бы предупредил! Нет, сенсация нужна! Правда это или нет – никому не интересно. А круги по воде уже пошли. Уже формируется общественное мнение. И полиция, как всегда, оказывается крайней. Никому не интересно, сколько бессонных ночей проводят оперативники, чтобы найти и обезвредить преступников. Разве интересно общественности, что ради ее покоя погибают лучшие из лучших, чтобы своим телом прикрыть безоружных, попавших в беду?

Уняв злость, майор углубился в чтение.

Статья, однако, оказалась интересной. Конечно, преступление она не раскрыла, но на полезные мысли натолкнула. Бунич провел собственное журналистское расследование (когда успел?) и выяснил, что примерно за неделю до

убийства Коротков приставал к соседской девушке Альбине Правдиной с целью изнасилования. Последней, правда, удалось тогда вырваться из цепких лап насильника и убежать. Но, по мнению журналиста, Альбина не забыла оскорбления, нанесенного ее чести, и зарубила спящего Короткова у него дома своим топором. Версия, конечно, так себе. Но зато это объясняет две детали: наличие крови на топоре Правдиных и, возможно, рану, оставленную на бедре Короткова. Кроме того, у Правдина появляется мощный мотив. Защищал честь дочери.

Зайдя в кабинет, Голубчиков усадил своих помощников вокруг себя и устроил мозговой штурм. Разгадка была где-то рядом. Надо только сосредоточиться и правильно оценить сложившуюся ситуацию.

– Итак, что у нас получается? Скорее всего, Альбина с помощью топора отделалась от Короткова и резанула его по бедру. Так? Так. Дальше. Значит, Правдина отпускаем? Он здесь ни при чем? – майор обвел взглядом собеседников.

– Думаю, рано, – возразил Ринат.

– Почему? – удивилась Рита.

– Да потому, Риточка, – ответил он, – что у него есть мотив. Например, отомстить потенциальному насильнику. Дочка пожаловалась, он и схватился за топор.

– Принимается, – согласился Голубчиков. – Но он видел, как ругаются во дворе Короткова и убитый Пряхин. Какая связь между ними?

– Правильно, – подключилась Рита, – надо проверить, были ли они знакомы раньше?

– Кстати, – не дав договорить Жуковой, вмешался Хайруллин, глядя внимательно на экран монитора, – Пряхин, оказывается, родом из Мохова и преступление свое первое совершил здесь, за что был осужден на 8 лет. Знаете, за что? – он сделал паузу и обвел всех взглядом. – За изнасилование!

– В таком случае, – затараторила Рита, – надо поднять это дело. Можно я сбегаю в архив?

– Иди, – одобрил Голубчиков, доставая из ящика своего стола шахматную доску, – а мы пока с Ринатом кофейку попьем да в шахматишки перекинемся.

Спустя час, когда игроки вышли на дружескую ничью, в кабинет влетела раскрасневшаяся Рита и сообщила, что дело по убийству Пряхина можно считать раскрытым.

– И кто же убийца, позвольте узнать, о юная служительница Фемиды? – с улыбкой поинтересовался Голубчиков.

– Минуточку, – вмешался Ринат, – давайте вместе разгадывать загадку. Марго, молчи, не говори!

– Ну, тогда вернемся к материалам, которые подняла наша Риточка в архиве, – потирая руки и предчувствуя скорую развязку, предложил майор. – Стажер Жукова, мы вас внимательно слушаем!

Маргарита, предвкушая триумф, вышла на середину комнаты и поведала следующее.

41 год тому назад молодой 18-летний бездельник Пряхин Егор проживал свою никчемную жизнь в Мохове, как раз на той самой улице, в доме которой произошло убийство гражданина Короткова около двух дней назад. Далее. Основным занятием в жизни Пряхина были карты, девки, алкоголь, дурь. На этой же улице тогда же проживала некая немолодая уже девушка 30 лет, по слухам старая дева. Вот ее-то на спор проиграли в карты местные ублюдки, среди которых был Пряхин. Он выследил девушку, изнасиловал и предъявил содеянное своим товарищам. Несмотря на угрозу расправы, девушка подала заявление в милицию. К счастью, следователь во всем разобрался, и Пряхин предстал перед судом. В зале суда он поклялся – когда выйдет, убьет ее.

– А теперь внимание! Как звали девушку?

– Неужели Короткова Лиза? Вот это поворот сюжета, – Голубчиков сиял от радости. – Два убийства почти за два дня раскрыты! Ритуля, какая же ты молодец!

– Так кто же все-таки убийца? – Ринат вопросительно посмотрел на девушку.

– Сам не догадываешься?

– Догадываюсь. Но хочу услышать от тебя!

– Так, стоп! – Голубчиков вышел из-за стола. – Споры и пари в данном случае неуместны. Когда все слишком очевидно, то мне лично подозрительно.

Майор замолчал. Задумался. Ребята не мешали.

– Понятно одно – в этих двух историях с убийствами за-

мешаны три человека, – Голубчиков подошел к доске и начал писать мелом фамилии:

Короткова

Коротков

Пряхин

Их всех что-то объединяет. Но что? – майор обвел взглядом свою аудиторию.

– Я, кажется, поняла, что, – сказала Жукова, – Они все трое родственники: мама, сын и отец.

– Правильно. Молодец, стажер! – похвалил ее Сергей Сергеич и продолжил дальше: – Вырисовывается следующая картина: 18-летний Егор насилует 30-летнюю Лизу. Садится в тюрьму. А Лиза, скорее всего, от позора, уезжает подальше из родных мест, где и узнает, что скоро станет матерью. Родился Юра, плоть от плоти – родной папаша. Спустя много лет Лиза возвращается в Мохов.

– Так, до сих пор картина ясна, – подключился Ринат, – осталось теперь понять, кто кого убил и за что.

– Правильно, согласен. – Голубчиков привычно пожевал свои пухлые губы. – Только разобраться в этом мы сможем тогда, когда найдем орудие убийства, либо, – он приобнял коллег за плечи, – чистосердечное признание оставшейся в живых из этой тройки. А Правдаина, пожалуй, мы все-таки отпустим на подписку о невыезде.

Майор натянул на себя пальто, взял папку и попрощался с молодежью:

– Все, друзья мои, по домам. Завтра предстоит трудный день, а я на доклад к Авдееву.

Утром следующего дня оперативники отправились к Коротковой. Когда подъехали, застали ее одетой в дверях дома. В руках она держала баул, очень напоминающий докторский в старину.

Похоже, Елизавета Васильевна решила уехать?

Однако, при виде группы она как будто вздохнула облегченно и пригласила всех пройти в дом.

– Вы чего-то боитесь? – спросил Голубчиков, когда все уселись за столом на кухне.

– Нет, не боюсь. Теперь уже никого не боюсь. Отбоялась, – Короткова встала и привычным движением поставила чайник на плиту, потом достала чашки и продолжила: – Снов своих боюсь. От них никуда не деться. Чаю будете? – спросила гостей.

– Да уж, не откажемся, – ответил за всех майор.

Ринат и Рита сидели тихо, с удивлением наблюдая за происходящим. Они были уверены, что едут задерживать особо опасного преступника. А тут такое. Почти домашняя обстановка, чай, беседа. Впрочем, Сергеичу оба доверяли, поэтому молча наблюдали.

Вчера после работы Ринат провожал Жукову домой. Они шли пешком. Благо, погода располагала к прогулке. Тепло, весенний ласковый ветерок. Шли, держась за руки, и, конечно-

но, обсуждали преступление. Они были уверены или почти уверены в том, что оба убийства совершила Елизавета Васильевна. Одно им было неясно: как такая хрупкая женщина смогла убить Пряхина и оттащить его тело с места преступления? А так, все складывалось в единую картину.

Свои соображения они высказали Сергеичу, когда ехали утром на задержание. Майор выслушал их, усмехнулся, пожевал губы и сказал задумчиво:

– Она не преступница. Она жертва, – и замолчал. Так и добирались тихо, без разговоров.

– А я к вам собиралась, – Короткова первая нарушила молчание. – Вот, тут кое-что собрала, – и она указала рукой на баул, – там дневник Юрочки. Я нашла его вчера, когда вещи перебирала, – сказала, всхлипнула, отвела глаза. Продолжила: – Он ведь раньше ничего такого не писал. Я не знала. А там такое. Как прочитала, так и собралась к вам каяться. Уж простите меня. Я его убила, – сказала так тихо, кажется, прошелестела губами, – топором, спящего. Сил моих больше не было. Да и боялась я. Зверем был, – и зарыдала в голос, причитая: – Юрочка, Юрочка, прости!

Какое-то время все сидели тихо. Лишь всхлипы нарушали звенящую тишину. Но надо было работать и разбираться дальше с этим делом.

Голубчиков понимал, что все намного глубже и трагичнее. К тому же требовалось установить, кто убил Пряхина, и что он делал во дворе Елизаветы Васильевны накануне убийства.

Поэтому взял себя в руки и казенным голосом спросил:

– Гражданка Короткова, чем вы убивали гражданина Короткова?

– Топором зарубила, – ответила та.

– Можете предъявить нам оружие убийства?

– Да, – она встала, подошла к баулу, раскрыла его. Там, завернутый в старую тряпицу, лежал топор с пятнами крови на лезвии и топорище. Не дожидаясь следующего вопроса, сказала: – Я его прятала среди дров в сарае.

– Ну что ж, – все тем же официальным голосом распорядился Голубчиков: – Стажер, составляй протокол изъятия, Ринат, беги за понятыми. А вы, гражданка, рассказывайте, как и почему совершили нападение, – достал бумагу, ручку и приготовился писать признательные показания Коротковой.

Елизавета Васильевна перестала плакать, вытерла слезы, глубоко вздохнула, набралась смелости и начала рассказ.

Сергей Сергеевич внимательно слушал, не перебивал, изредка что-то писал в протокол.

История, рассказанная Коротковой, и дневник ее сына повергли в шок оперативников. Согласно всем законам развития, ничего из ничего не появляется. Любому событию предшествует цепочка обстоятельств. Так и трагедии, как правило, случаются на подготовленной почве.

Когда-то давно в Мохове, на окраине, жила обыкновенная тихая девушка. Мать – пенсионерка, она – помощник библиотекаря в местной библиотеке. Так сложилось, что звезд с неба Лиза не хватала, десятилетку окончила с тройками. Дальше учиться не стала. Пошла работать. С юношами не складывалось. Всем после первого свидания надо было одно – затащить ее в постель. А тут еще мама с детства страшила, что для девушки честь превыше всего. «До брака – ни-ни, – говорила она, – иначе позора не оберешься». А замуж девушку никто не звал. Слишком неприметная была. Так и жили вдвоем с мамой. Смирилась. Привыкла. Дразнили старой девой – не обращала внимания.

Но однажды спокойное течение ее жизни было нарушено.

В тот вечер, 41 год назад, она задержалась в библиотеке допоздна. Начальница попросила срочно проверить все формуляры и выписать задолжников. Было около 9 часов вечера, когда она закончила работу и закрыла библиотеку. Шла домой привычной дорогой. Но неожиданно кто-то напал на нее сзади и сильной рукой закрыл ей рот. Вокруг тихо, пустынно, ни души. Лесополоса совсем рядом. Туда и потащил ее преступник. В безопасном для себя месте крепкий, жилистый, совсем молодой парень накинулся и начал сдирать с нее одежду. Маленькая хрупкая Лиза быстро устала сопро-

тивляться, кричать. Она молча терпела, пока подонок издевался над ней. Молилась в душе, чтобы не убил. Она даже в такие минуты думала о маме, которая, конечно, не переживет потери дочери. Мать и не пережила. Надругательство над любимой единственной доченькой уже через месяц свело ее в могилу.

А насильник тем временем, закончив свои дела, достал из сумки фотоаппарат, вспышку и начал фотографировать голую, окровавленную Лизу, лежащую на грязной траве. Вот тут-то она его и разглядела. Этим подонком оказался местный прощелыга, малолетка Егор Пряхин. «И когда ж ты, сволочь, успел вырасти», – подумала Лиза и отключилась.

Очнулась она дома, в своей постели. На стуле сидела плачущая мать. Доктор дежурил рядом с ней и ждал, когда Лиза придет в себя. В тот момент, когда девушка открыла глаза, и стало ясно, что ее жизни ничего не угрожает, матери стало плохо. Случился инсульт, от которого она не смогла оправиться.

Доктор забрал их обеих в больницу. Лиза прошла освидетельствование, сняла побои, подала заявление в милицию. Через месяц насильника осудили на 8 лет. Почти сразу после суда девушка похоронила мать. Но спокойная жизнь в Мохове ее покинула. Дружки Егора чуть ли не на каждом столбе развешивали непристойные фотографии. После чего в библиотеке ее попросили найти другую работу. И вдобавок ко всем своим несчастьям Лиза поняла, что забеременела от

ублюдка. Это был удар ниже пояса.

В панике она бросилась в больницу. Там обследовали и вынесли вердикт – 30 лет, слабые почки, аборт может не пережить. Врач-гинеколог ласково посмотрела на Лизу и сказала:

– Родила бы ты, девонька. А ребеночка оставь в доме малютки. Дурная кровь в нем. Только рожай не здесь. Лучше уезжай.

Так девушка оказалась в Донецке. Ей почему-то казалось, что в богатом шахтерском крае она не пропадет. И не ошиблась.

Устроилась нянечкой в круглосуточный детский сад при металлургическом заводе. Через год, когда родился Юрочка, дали однокомнатную квартиру от завода в центре города.

Не смогла она бросить Юрочку в роддоме. Когда увидела этот родной комочек, прониклась к нему материнскими чувствами и долгое время была просто счастлива, что он у нее есть. Мужчин она не пускала в свою жизнь, и всю себя посвятила Юрочке. Верила, что вырастит достойного парня. Жизнь казалась безоблачной до тех пор, пока сынок не перевалил на второй десяток лет. Тогда она стала строже, жестче. Следила за ним, когда он выходил на улицу. Много запрещала ему, а многое просто не могла дать. Тучи на горизонте начали сгущаться.

В дальнейшем ее жизнь превратилась в кромешный ад. Отдыхала Лиза душой и телом только тогда, когда ее Юрочка

отбывал наказание. Она же отбывала свое наказание, любя его по-прежнему всем сердцем и прощая обиды.

Когда сына осудили за убийство соседской девушки Ирины, она не смогла больше жить рядом с родителями погибшей. Продала квартиру в Донецке и уехала на родину в Мохов. Поближе к маминной могиле. Купила дом на той же улице, где родилась, и зажила себе в ожидании сына.

За 40 лет из старожилов на ее маленькой улочке никого не осталось. Со временем подружилась с семейством Правдиных, которые жили совсем рядом. Они относились к ней с сочувствием. Гриша взял на поруки хозяйство в доме. Помогал с дровами, мелким ремонтом.

Беда, как водится, пришла неожиданно, откуда никто не ждал и не догадывался.

Раз в год Елизавета Васильевна ездила к сыну в колонию на свидание. Готовилась к этому событию, собирала деньги. На удивление, Юрочка всякий раз встречал ее приветливо. Повзрослел, видимо. Понял, что кроме матери у него никого нет. И, похоже, тоже ждал эти редкие встречи с ней. Всякий раз просил у нее прощения и мечтал, что, когда освободится, заведет хозяйство, устроится на работу, женится. «Внуки будут у тебя, мать. Нанянчишься!»

После таких свиданий Короткова уезжала счастливой, радостной. Даже начала присматривать невесту сыночку. Вон Ангелинка Правда подрастает. Чем не невеста ее Юрочке? Да, она отрывалась от реальности. Но жила этим. Челю-

век так устроен. У него должна быть мечта! Если ее нет, то нет и человека. Оболочка, пустота.

Вот ведь как сжалилась судьба над бедной Лизой! Дала ей упоительных 5 лет передышки. И снова ввергла ее в кошмар, в который не хочется верить. Утром нет желания просыпаться.

Как всегда, подошло время, и Елизавета Васильевна поехала на шестое свидание к сыну. Однако Юрочка не вышел к ней, а передал с дежурным записку, в которой называл ее старой сукой и мразью и просил больше никогда не приезжать сюда: «Сиди дома. Освобожусь, приеду. Чтоб ты сдохла, наконец, старая сволочь».

Короткова вернулась домой поникшая, напуганная, безжизненная. Показала записку соседу. Тот, жалея ее, пообещал через знакомых узнать, что там произошло с ее сыном.

Шло время. Как-то под вечер к ней зашел Правдин.

– Гришенька, не томи, – взмолилась Елизавета Васильевна, – ты узнал что-нибудь про Юрочку?

– Да, похоже, там, на зоне, встретил он Егора Пряхина, – Гриша встал, налил воды, выпил залпом стакан.

– Да как же он узнал Юрочку? – удивилась Короткова. – Он его никогда в глаза не видел!

– Зато он тебя узнал, когда ты приезжала к сыну два года назад, – ответил мужчина. – Вот такая коллизия, Васильевна.

Короткова побелела, язык куда-то провалился. Что угодно могла ожидать она от своего непутевого сына, но такое! «За

что? За что? – пронеслись вихрем мысли в голове. – Это мне за что?»

И женщина, не выдержав, разрыдалась громко, в голос, причитая по-бабьи.

Правдин не утешал. Он сидел молча и ждал, когда она успокоится сама. Он знал больше, чем сказал. Но рассказать такое матери не мог.

Ублюдок Пряхин, узнав, что Коротков – его сын, рожденный той самой тварью, которая засадила его на первый срок, обозлился не на шутку. Себя виноватым он не считал. А вот Лизку проклинал всю жизнь. Значит, эта стерва сына родила? И всю свою ненависть он перенес на неповинного в этой ситуации Юрочку. Он опустил его, грубо, безжалостно. И все последующие годы отсидки издевался над собственным сыном, как мог, под улюлюканье сокамерников, которые тоже иногда были не прочь унижить парня.

А Юрочка, в свою очередь, во всем винил мать. Это она виновата, что оставила ребенка и обрекла его на страдания.

От Юрочки же подонок Пряхин узнал, что Лиза опять вернулась в Мохов. «Ну что же, значит, так тому и быть! Вернись, устрой обоим, что мало не покажется!»

По роковой случайности, почти одновременно заканчивали отсидку отец и сын. С разницей в неделю.

Вот так и наступили наши дни.

Вернулся Юрочка. Чужой, злой, колючий. Велел матери молчать и не высовываться, иначе убьет. Иногда требовал от

нее денег и водки. Не было денег – получала тумачи. Впрочем, как всегда.

Однажды, спустя неделю, Юра увидел в окно, как освободившийся Пряхин трясет за грудки его мать. Не выдержал, схватил топор. Подбежал и сзади нанес удар со всей дури. Потом еще и еще.

Короткова еле оттащила сына от тела папаши.

Вдвоем перетащили убитого подальше в посадку, засыпали листьями. Кровь во дворе забросали свежей землей. Топор спрятали в сарае.

На какое-то время Елизавета Васильевна успокоилась. Думала, убили окаянного, Юрочка придет в себя.

Но дальше было только хуже. Сын пил, не просыхая. В который раз зацепил опять на улице Ангелину, стал приставать, оскорблять. Она вырвалась, побежала домой. Он за ней. Тут она схватила топор, торчащий в колоде и рубанула им Короткова. Тот успел увернуться, удар прошел по касательной. Это его отрезвило немного. Он отстал от девушки и пошел домой.

А дома опять ненавистная, ох ненавистная, вечно ноющая материнская рожа!

– Ненавижу! – заорал с порога и накинулся на женщину. То ли алкоголь свихнул ему мозги, то ли пришло время сойти с ума от пережитого, только он накинулся на мать, разорвал одежду и начал ее насиловать.

Что было бы дальше, неизвестно. На счастье, зашел Прав-

дин и стащил обезумевшего Юрочку с матери. Тот поворачивал безумными глазами какое-то время вокруг себя, потом обмяк, завалился на диван и захрапел.

Правдин помог несчастной женщине встать, дойти к умывальнику, переодеться.

– Спасибо, Гриша. Ты иди, – сказала она, на удивление, твердым голосом. – Со мной все в порядке.

После того, как сосед ушел, Елизавета Васильевна Короткова встала, накинула фуфайку и пошла в сарай. Из сарая достала топор, которым сын убил отца. Вернулась в дом. Юрочка спал, свернувшись калачиком, как в детстве. Она погладила его по голове.

– Прости, сынок, за все.

Не снимая фуфайки, замахнулась и несколько раз ударила по голове своего любимого Юрочку.

Он даже не вздрогнул.

Потом Короткова вернулась в сарай. Опять зачем-то спрятала топор, сняла фуфайку и бросила в угол.

Испугалась она потом, когда поняла, что Юры больше нет.

Испугалась, что ее арестуют, и придумала дурацкую историю про двух грабителей.

А пока она вернулась к Юрочке, лежащему в луже крови все таким же калачиком. Долго сидела рядом. Видимо, вся ее жизнь пронеслась перед глазами. Потом встала и позвонила в полицию.

Голубчиков оформил признательный протокол. Рита – протокол об изъятии вещдоков. Короткова все подписала.

«Что ж с тобой делать, Елизавета Васильевна?» – подумал он и, взяв всю ответственность на себя, сказал:

– Вот что. До суда вы остаетесь на подписке о невыезде. По первому требованию обязаны явиться в полицию.

– Хорошо. Спасибо. Не волнуйтесь. Кончать жизнь самоубийством не буду. То, что я пережила за 40 лет, – хуже самоубийства.

Потом еще пару дней собирали доказательную базу. Сняли отпечатки пальцев с орудия убийства, сравнили группы крови. Короткову обследовал врач и вынес заключение о систематических побоях и изнасиловании.

Вот и вся история. Можно поставить точку. За раскрытие двух убийств в двухдневный срок отдел получил благодарности и премии.

Суд принял во внимание непростые жизненные обстоятельства Елизаветы Васильевны, и с учетом того, что опасности для общества она не представляет, дал ей 2 года условно.

Только радости от раскрытия этого дела у майора Голубчикова не было.

– Понимаешь, Натка, – говорил он вечером жене, – есть уголовные дела, которые раскрыл и забыл. А есть такие, ко-

торые забыть трудно, которые смердят. Не могу привыкнуть. Ну как так получается? Ведь не чужие люди, а хуже врагов. Этих нелюдей даже с животными сравнивать нельзя, чтобы не обидеть. Откуда, скажи мне, в них столько ненависти друг к другу? Сатана вселился, что ли?

– Наверное, – жена ласково смотрела на мужа. – Знаешь, они, как падшие ангелы, тоже несут за что-то наказание.

– Налей-ка, Наталочка, мне стопочку. Слава Богу, с тобой мне повезло! – и опрокинув внутрь рюмку водки, крепко обнял и поцеловал ту, с которой делит горе и радости многие годы.

Часть 2. Контракт со смертью

1

Поздно вечером со склада моховского мебельного комбината отправлялась фура с партией мебели в г. Троицк. Дорога предстояла не дальняя. Соседний городок находился всего в ста пятидесяти километрах. Однако по правилам перевозок ехать должны два водителя.

В тот самый момент, когда Семен Егошкин подписывал путевой лист, позвонила жена его напарника и сказала, что Слава заболел, слег с температурой. Мастер смены Петрович выматерился по матушке и, глядя на Егошкина, сказал:

– Иваныч, будь человеком, отвези ты этот товар сам. Ехать недолго. Где ж я сейчас найду тебе напарника? – и, сунув ему путевой лист, посулил: – Вернешься завтра, дам отгул, когда захочешь. Двойная оплата за рейс!

Егошкин вздохнул, делать было нечего. Не хотел он ехать. На то были причины. Отгрузку товара задержали на несколько часов, потому что не досчитались каких-то там стульев. Их нашли на другом складе. Но время ушло. Руководство сначала хотело перенести поездку на завтра на утро, так возмутились троицкие. Дескать, везите сейчас, хоть ночью, но чтоб утром мебель была у них на складе. Но даже не это бес-

покоило Семена Ивановича. Резко начал ныть живот. Вроде ничего такого не ел, а крутит, сволочь, бурлит.

Отказаться от поездки он не мог. Работой дорожил. Был на хорошем счету у начальства. Да и зарплатой не обижали. Поэтому промолчал, принял ситуацию, как должное, и выехал за ворота склада.

Включил радио, чтоб не уснуть, и потихоньку покатил по пустому городу в направлении Троицка.

Он, конечно, не обратил внимания, что следом за ним незаметной тенью, прямо от складских ворот, последовала легковушка. Это не было простым совпадением. Автомобиль ехал за фурой.

Семен еле дотерпел, пока выехал за город, и пулей бросился в кусты.

Затем опять тронулся в путь. Ему становилось хуже. Видимо, поднялась температура.

Вот опять сильный спазм в кишечнике заставил Егошкина прижаться к обочине. Он рысью бросился в кусты. Позывы были настолько сильные, что Семен то ли не заметил, то ли не обратил внимания, что бежит к лесу не один. В тот момент, когда он начал расстегивать штаны, чья-то уверенная рука закрыла ему рот платком, обильно смоченным эфиром. Егошкин рухнул на землю.

Когда он очнулся, уже светало. Голова гудела, живот не болел. Но когда Семен поднялся на ноги, понял, в какую мерзкую ситуацию он попал. Липкие штаны были мокры-

ми, грязными от содержимого собственного кишечника. Ноги плохо слушались.

И тут мозг пронзило, словно молния: «Где фура? Мамочка родная, что теперь будет?»

Пошатываясь, Егошкин пошел к дороге.

Удивительно, но фура стояла у обочины. Залез в кабину. Вроде, все на месте. Права, деньги, путевой лист.

«Странно. Что тогда было со мной? Ведь на меня напали, кажется. Или со мной случился обморок?» – Егошкин пощупал голову. Больно на затылке. «Ударился, наверное, когда упал», – подумал он.

Удручало другое. Грязные штаны, противный запах. В таком виде лучше никому не показываться. «Ладно, груз на месте, пломба не тронута, время еще есть. Впереди речка, остановлюсь, помоюсь, постираюсь. Ведь все могло быть значительно хуже!» – с этими мыслями Семен завел двигатель, включил музыку и повеселевший поехал дальше.

В тот момент Егошкин даже предположить не мог, что, сам того не ведая, вляпался в историю, которую врагу не пожелаешь.

Впереди замаячил пост ГИБДД. Дежуривший на обочине сержант, подал знак остановиться. «Как же не вовремя!» – подумал Семен и начал тормозить.

– Старший сержант Смыслов. Предъявите ваши документы, – отдав честь, попросил он.

Семен протянул в окно права и путевой лист.

– Выйдите, пожалуйста, из машины, проверим пломбу, – потребовал сержант.

Егошкин растерялся. Выйти в таком виде он не мог. Сказать об этом было стыдно. Он на несколько секунд замешкался. Сержанту было этого достаточно, чтобы заподозрить неладное.

– С вами все в порядке? Выйдите, пожалуйста, – просьба прозвучала более настойчиво.

Выбора у Семена не было. Он открыл дверь и буквально вывалился из кабины. Ноги не слушались. Стоял, пошатываясь, источая амбре.

Сержант остолбенел. Тут же по рации пригласил своего напарника.

– У нас нештатная. Присмотри за ним. Я открою фургон. По документам везет мебель в Троицк. В таком виде! – с этими словами он направился к двери фургона.

Ждали его недолго. Уже через пару минут раздался крик:

– Вашу мать! Леха, бегом сюда!

Леха с Егошкиным подбежали к открытой фууре и застыли.

Вместо уютных мебельных гарнитуров и тех злосчастных стульев в фургоне были уложены штабелями трупы.

Семен смотрел на эту картину и понимал, что он спит.

– Этого не может быть, – шептал он. – Этого не может быть! Вы слышите, этого не может быть! – обессиленно опустился на корточки, обхватил голову руками и зарыдал.

Тем временем гаишники уже вызывали следственную группу и скорую помощь.

2

Несмотря на раннее утро к месту происшествия прибыл сам начальник полиции подполковник Авдеев. Еще бы! Не каждый день в провинциальном Мохове фурами перевозят горы трупов. Это ЧП. Обязательно область возьмет на контроль. Возможно, пришлет кого-нибудь на усиление.

Майор Голубчиков подоспел чуть позже. Долго ждал машину из отделения. Как всегда, в самый неподходящий момент начинает барахлить мотор. Пешком бежать далековато – место преступления оказалось за городом.

Прибыв на место, майор первым делом опросил гаишников.

– Доложи обстановку, сержант, – попросил он.

После того, как картина происшествия прояснилась, спросил:

– Почему решил фуру остановить?

На что сержант ответил:

– Ну, в такое время дальнобои обычно не ездят, отсыпаятся. Вот и решил проверить. Документы в порядке. А вот вид у водителя был не очень. Бледный какой-то, больной. Попросил выйти, чтобы проверить пломбу. А там! Да еще этот обгаженный. Как-то так.

Голубчиков слушал внимательно и жевал губы. Он всегда так делал, когда нервничал или анализировал ситуацию.

– Спасибо. Заедь в отделение и дай показания под протокол. Ладно?

Затем майор обошел фургон и направился к эксперту, который занимался трупами. Их уже успели разложить на земле. Двадцать человек. Это были мужчины и женщины разного возраста. Одеты прилично, ухоженные. Явно не бездомные.

Картина удручала.

Голубчиков обратился к эксперту:

– Что скажешь, Георгий? Есть зацепки? Какие-нибудь мысли?

– Скажу одно, – отозвался Жора, – у семнадцати из них следов насилия на теле нет. Время смерти у всех разное. Приблизительно от двух месяцев до суток. Похоже на отравление бытовым газом. Документы отсутствуют, личные вещи тоже. Возраст разный. Примерно от 25 до 45 лет. Денег, драгоценностей при них также нет.

– А что с остальными? – поинтересовался майор.

Жора снял и протер очки:

– У этого парня травма головы, несовместимая с жизнью, полученная примерно около суток назад. Скорее всего, удар был нанесен тяжелым тупым предметом, похожим на камень, – затем указал на рану и продолжил: – Видишь, в ране грязь? По ней можно определить возможное место убийства. Поговорю с биологами, пусть проверят образец.

Затем Жора подошел к другим двум телам и указал на

них:

– А у этих удушение. Чем-то вроде струны. Эти – самые свежие. 5-6 часов назад.

Голубчиков стоял в задумчивости. То шлепал губами, то жевал их. Было видно: майор не на шутку озабочен.

– Пока все, Сергеич, – Жора вывел его из состояния отрешенности, – остальное покажет вскрытие. Возьмем биоматериал на анализ, проверим содержимое желудков, сделаем анализы пыли и почвы на обуви. Ну, в общем, сам знаешь.

– Ладно. Спасибо, – ответил Голубчиков, внимательно всматриваясь в лица покойных.

«Что же с вами случилось, бедолаги? Лица спокойные. Даже умиротворенные».

Тем временем подъехали Маргарита и Ринат.

Увиденное очень сильно впечатлило обоих. Рита расстроилась, отвернулась.

Голубчиков по-отечески обнял ее и сказал:

– Ну, ну, Ритуля! Ты собралась работать следователем. У нас, в основном, грязная работа. Приходится иметь дело и с таким. Лучше соберись и составь протокол с места происшествия, – обращаясь к Ринату, сказал: – Осмотри фургон изнутри. Только внимательно. Важно все: комочки грязи, обрывки бумаги, ткани. В общем, дерзай, – протягивая ему резиновые перчатки, крикнул: – Надень! Голыми руками ничего не трогай, – затем обратился к Жоре: – Отпечатки в фургоне снял?

– Да, – ответил тот.

– А у водителя? Для идентификации?

– Сергеич, вы что, издеваетесь, – взмолился эксперт, – вы к нему подходили?

– А что с ним не так? Он – пока подозреваемый, – спокойно парировал Голубчиков. – Ну, не надушился парень к твоему приезду. Уж не обессудь.

Подполковник Авдеев перед тем, как уехать, подозвал майора:

– Смотри, Сергеич, дело будет резонансным. Пока ты старший группы. Отдай этого засранца медикам. Пусть отмоют, обследуют, чего он наелся перед поездкой. А фуру гони на нашу стоянку. Там ее эксперты вдоль и поперек обнюхают, на ниточки разберут. Как закончите здесь, сразу ко мне на совещание, – с этими словами он пожал руку Голубчикову. – Кстати, – окликнул майора, уже сев в машину, – ты просил подкрепление в отдел? У тебя новенький, представлю, – после чего захлопнул дверцу и уехал.

Еще через некоторое время майор позвал своих оперативников:

– Ребята, сворачиваемся. Заканчивайте, – и, обращаясь к санитарам, распорядился: – Увозите.

Двадцать мужчин и женщин, еще не старых, достаточно молодых, некогда полных сил и планов, поехали в морг города Мохов.

Какая трагедия случилась с ними? Что собрало их всех в одном месте? Кто они? Какие у них были имена? Кто их убил? С какой целью? На эти и, возможно, массу других вопросов предстояло дать ответ оперативной группе под руководством майора Голубчикова Сергея Сергеевича.

А пока их тела разместили в местном морге и в порядке очередности патологоанатомы Ванин и Дашевский начали колдовать над их внутренностями.

Первой на стол положили симпатичную блондинку лет тридцати.

Если бы она могла, то рассказала бы им историю своей короткой жизни.

Марина всегда мечтала жить красиво. И уже с детства усвоила, что для красивой жизни нужны деньги. Много денег. А вот этого в их семье не было. Никогда. Она только слушала мамины рассказы, как хорошо они жили тогда, в той сказочной стране, которой уже нет ровно столько, сколько ей лет. Сначала было интересно слушать, а потом надоело. Единственное, чем Бог не обидел девушку, так это умом и трудолюбием. Училась Марина всегда с интересом. Особен-

но ей удавались естественные науки: биология, химия.

Ее мать работала старшим лаборантом на местном химкомбинате. Девочка часто прибегала к ней на работу в лабораторию и с замиранием сердца следила, как работники колдуют с колбочками, препаратами. Этот мир казался ей волшебным. Уже в 8 классе она твердо решила, что посвятит себя химии и непременно будет тоже изобретать новые вещества, проводить опыты и записывать результаты в журнал.

Отца у Марины не было. Он умер очень рано от сердечного приступа, так и не приняв и не поняв того, что произошло в стране в 90-ые. Поэтому матери пришлось очень тяжело с маленькой доченькой на руках. Но женщина выжила, выстояла. Как и все тогда, купила ваучеры. Сегодня смешно об этом вспоминать. А тогда почти каждый житель нашей страны верил, что теперь-то, наконец, все станут собственниками своих предприятий, получают долю в производстве в виде ценных именных бумаг – ваучеров. И даже будут получать надбавку к зарплате за счет процентов от прибыли.

Да уж, обмана было много. Многие верили в него. Совсем скоро стало понятно, что народ к дележу прибыли никто не приглашал. Ошибочка вышла, товарищи. Неправильно поняли. А вскоре появились предприимчивые дельцы, которые стали скупать эти самые ваучеры за бесценок у гордых собственников. В результате никто и не заметил, как некто Дымов, неизвестный никому на химкомбинате, оказался главным акционером. Он-то на правах хозяина разогнал полови-

ну работников, убрал надбавки за вредность и объявил, что кому не нравится, пусть валят. Матери Марины валить было некуда. На руках дочка детсадовского возраста и куча проблем.

Очень плохо жили в те годы. Ломбард проглотил все семейное золото, даже раритетные сережки, которые достались матери в четвертом колене. Их берегли, ими гордились все женщины в семье. Но надо же было чем-то кормить Мариночку.

Благо, комбинат работал, и хоть с задержками, но зарплату выплачивал. Многих работников тогда сократили. Мать не уволили. Наоборот, повысили в должности. Со временем жизнь наладилась. Комбинат стал получать заказы, поднялась зарплата, появились премии, надбавки. Мариночка стала лучше кушать, лучше одеваться. Дома появился компьютер, со временем мобильный телефон. Но мамино здоровье было подорвано. Сказалось напряжение прошлых лет. Когда Марина училась на первом курсе химико-биологического факультета филиала Челябинского университета в Мохово, мать тяжело заболела и вскоре умерла.

Марина осталась одна. Совсем одна.

С дневного отделения пришлось уйти. Перевелась на заочное. Устроилась на работу все в ту же лабораторию. Приняли младшим лаборантом с соответствующей зарплатой.

Трудолюбивая девушка работала много и упорно. С отличием окончила учебу в университете. И там же, на базе лабо-

ратории химкомбината, занялась научной работой. Ее ценили, уважали. Однако выше зарплаты она не могла прыгнуть. Понимала, что здесь красивая жизнь ей не светит. Вот если бы попасть за границу! И она ушла с головой в поиски сайтов с интересными предложениями работы там, в такой роскошной и привлекательной заграничной жизни. Разместила свое резюме, отзыв на который не заставил себя долго ждать. Замаячила надежда на красивое будущее. Чешская фармацевтическая компания предложила ей пройти собеседование с их представителем, который как раз в это время находился в Мохове.

Что случилось дальше с этой обаятельной девушкой, предстояло выяснить следственной группе Голубчикова. А пока никто не знал даже ее имени. Она лежала в морге на столе голая, красивая, беззащитная и совсем мертвая.

Когда все собрались в кабинете начальника полиции, Авдеев обратился к присутствующим:

– Господа офицеры, разрешите представить вам нового сотрудника капитана Лобова Олега Владимировича, – и указал рукой на сидящего рядом с ним мужчину.

– Капитан Лобов, – продолжил подполковник, – перевелся в наш город по семейным обстоятельствам. Он имеет достаточно большой опыт в сыскном деле. Надеюсь, вы сработаетесь.

Затем Авдеев сел в свое кресло и сказал, обращаясь к Голубчикову:

– Докладывай, майор.

Сергей Сергеевич встал, какое-то время постоял молча, жуя губы. Потом заглянул в какой-то листок. Отложил его. По всему было видно, майор нервничает.

– Ну, ну! Не робей, Сергеич, – подбодрил его Авдеев. – Мы с тобой и не такие дела раскрывали. И этот клубок разматываем! Какие мысли? Давай по существу. План мероприятий по раскрытию. Хотя бы примерный.

– Так, – Голубчиков, наконец, обрел ясность мысли, – имеем двадцать пока неопознанных трупов в фургоне, который, по словам водителя, должен был быть наполнен мебелью для Троицкой торговой сети. Ясно одно, это не бездом-

ные, а вполне приличные люди.

– Послушай, – прервал его Авдеев, – что ты думаешь делать в ближайшее время?

– Как всегда, – развел руками майор, – для начала попытаемся установить личности убитых, место их жительства и место работы. Затем надо бы найти родственников. Затем...

Он не успел договорить, раздался телефонный звонок. Подполковник жестом велел всем молчать. Звонили из областного управления министерства внутренних дел.

Авдеев долго слушал, потом сказал:

– Слушаюсь, товарищ генерал. Есть, товарищ генерал. Есть, доложить завтра о результатах.

Затем, положив трубку на аппарат, обратился к присутствующим:

– Слышали? Поняли? Отправляйтесь исполнять. Через час положить мне на стол план мероприятий по раскрытию. Кругом! Шагом марш!

Уже у себя в кабинете Рита, Ринат и Сергей Сергеевич пожали руку новенькому.

– Выставляться не надо, – многозначительно заметил Голубчиков, обращаясь к Лобову. – Сейчас не время. Сам видишь. Отгуляем после раскрытия.

– А если не раскроем? – в запальчивости спросил Ринат.

– Типун тебе на язык! – осадил его майор. – Больше никогда, слышишь, никогда не говори так и даже не думай!

Затем обратился ко всем:

– Если хотите быть настоящими сыскарями, не теряйте веру в благополучный исход дела. Обращайте внимание на мелочи. Именно на мелочах чаще всего прокалывается преступник.

– А сейчас, – уже менее официальным тоном, – попьем кофе да обсудим, с чего начать.

Когда Рита и Ринат вышли в коридор к кофейному аппарату, майор поинтересовался у Лобова:

– Каким ветром задуло к нам?

– Ветром перемен, – уклончиво ответил тот. – А если объективно, то квартирный вопрос. Здесь осталась трешка после смерти родителей жены. Вот она и настояла, чтобы мы сюда перебрались. Захотелось на родину, быть поближе к родительским могилам. Так что все просто. Никакого подтекста, товарищ майор.

– Зови меня просто Сергей Сергеич. Мы тут – одна семья. Одно дело делаем.

Тем временем уже на столе стояли бумажные стаканчики с дивным ароматным напитком.

Устроившись поудобнее, коллеги перешли к сути вопроса.

Зашел Жора, принес фотографии лиц убитых. Сказал, что результаты вскрытия будут готовы завтра. Но все другие анализы придется ждать дольше. Если сильно постараются, то дня два.

Голубчиков позвонил в больницу, в которую отвезли во-

дителя Егошкина. Попросил взять кровь на анализ.

– Есть подозрение, – сказал он врачу, – что наш бедолага не просто так по кустам шарился. Помогли ему, видимо.

Затем раздал задания всей следственной группе.

– Ритуля, проверь заявления от родственников о пропавших без вести за последние два месяца. Если будут приметы совпадать с нашими, немедленно информируй.

– Уже делаю, – Рита открыла компьютер и углубилась в работу.

– Ринат, ты пока вместе с экспертами работаешь по машине. Ищите любые зацепки.

– Олег, сделай фотографии фургона. Возьми фото погибших и бегом на мебельный комбинат. Может, кого-то опознают. Выведай у них все об этом рейсе. Пусть особенно внимательно посмотрят на фургон. Надо быть уверенными, что именно он является их собственностью.

– Так, ну а я, – подвел итог Голубчиков, – накидаю план розыскных работ и поеду в больницу к нашему горе-водителю. Работаем! Все на связи. Малейшее что, сразу звоните, – напутствовал напоследок свою команду майор.

Хотя это, возможно, было лишним. Все и так понимали серьезность происходящего и были настроены по-боевому. На победу!

«Кто бы ты ни был, нелюдь, но я тебя вычислю», – с этими мыслями майор Голубчиков сел писать план мероприятий розыскных действий.

В прозекторской вовсю кипела работа. Резонансное дело требовало быстрых результатов. Двум опытным врачам надо было в кратчайшие сроки разрезать двадцать тел, заглянуть в двадцать черепных коробок, определить причину смерти, взять биопробы на анализ, отправить в лабораторию. При этом очень важно было проверить у всех подногтевое содержимое, а также установить либо опровергнуть факты изнасилования. Любая деталь могла указать на преступника.

Ванин и Дашевский работали одновременно на двух столах. Периодически обменивались репликами, записывали результаты вскрытий в журнал.

Леша Ванин достал из холодильника очередной труп, перевалил его с каталки на стол. Перед ним лежал совсем молоденький, едва оперившийся юнец.

– А ты как попал в эту компанию? – вырвалось у него от удивления. Осмотрел голову. Обширная черепно-мозговая рана. Ударили камнем, поднятым с земли. Вот и частички грунта. Он аккуратно пинцетом собрал их и положил в пакетик.

Пусть обследуют криминалисты. Может, эта зацепка укажет на место преступления?

Итак, парень, в отличие от пока обследованных других, умер от удара по голове.

Почему он оказался в этой компании, не подходящей ему ни по возрасту, ни по способу убийства, пусть выясняют оперативники. Это их хлеб. «А свой хлеб, парнишка, я с тобой уже отработал», – сказал мысленно Леша.

Костя лежал на столе в морге. Хотя должен был находиться в другом, более живом и более приятном обществе.

Сегодня ему исполнилось бы 18.

К этой дате готовились все, включая дедушек, бабушек. Так случилось, что Костя был единственным ребенком в семье. Его папа, достаточно известная личность в Мохове, помимо сети аптек «Айболит», владел также сорока пятью процентами акций моховского химического комбината.

Именно там он познакомился со своей будущей женой Альбиной. Алечка работала в экспериментальной лаборатории и довольно часто по поручению заведующего бегала в центральный офис визировать у секретаря документы. Вот там-то ее и увидел Муравьев. Как раз закончился совет акционеров. Они только вышли в приемную и тут – о чудо! – девушка с копной ярких рыжих волос поразила его в самое сердце. Он еще не был женат, хотя преодолел психологический барьер в 30 лет. Да и до сегодняшнего дня не собирался. Но, видимо, судьба решила иначе. Через месяц Анатолий Муравьев перевез свое рыжее сокровище в свой загородный дом в элитном поселке «Золотые пески». Еще через месяц пара поженилась. Через 8 месяцев родился обожаемый и любимый всеми членами семьи Костенька. Роды были, однако,

тяжелыми. Врачи боролись за спасение и мамы, и сына. После, когда все самое страшное осталось позади, Алечка услышала приговор – она никогда не сможет больше иметь детей.

Ну и пусть! Зато у них есть милый карапуз Костик, которому оба родителя готовы были посвятить всю свою жизнь. Муравьев уволил жену с работы, и она стала заниматься ребенком и, конечно, мужем.

Их семья была удивительной. В то время, как друзья и коллеги Анатолия меняли любовниц, как перчатки, а то и жен, эта пара была неразлучна.

Костик рос в атмосфере любви и внимания. Альбина играла с ним, гуляла, общалась на его детском языке, жалела. Когда мальчик подрос и пошел в школу, никогда не ругала за двойки. Вместе с ним делала уроки, читала книги.

Одним словом, идиллия.

Шли годы, Костик подрастал. На сверстниц смотрел восторженно. Был с девочками обходителен, вежлив, за что его любили абсолютно все девчонки в классе.

В то лето, когда он окончил 11 класс и уже подал документы на журфак филиала областного университета, он встретился в их элитном поселке с девушкой. Вернее, сначала увидел и долго провожал ее глазами. Потом он несколько раз незаметно для нее караулил ее, чтобы видеть снова и снова. Девушку звали Ксения. Она вместе с мамой приходила работать в большой особняк на окраине, в котором разместилось какое-то иностранное торговое представительство. Од-

нажды юноша набрался храбрости и подошел к ней. Ксюша как раз шла из магазина. Познакомились. Понравились друг другу. Общение получилось интересным, эмоциональным. Между молодыми людьми пробежала искра. Свидание было коротким. Девушка спешила. Заканчивался перерыв. Работа референта обязывала к дисциплине. Но Костик и Ксюша, конечно, обменялись телефонами и стали встречаться в свободное время каждый день.

Накануне дня рождения единственного сына и внука в доме кипели приготовления. Бабушки, дедушки, мама, папа заготовили подарки, пригласили своих друзей и кучу нужных людей на праздник. Костя как раз собирался сказать родителям, что хочет пригласить к себе Ксению. Надо было познакомить с ней родителей, чтобы больше не прятаться и открыто встречаться с девушкой.

В тот роковой день он шел к ней, чтобы пригласить на день рождения.

Больше он домой не вернулся.

Зато встретился с Ксюшей. В фургоне. И остался с ней навсегда. Навечно.

В городской клинической больнице было тихо и безлюдно.

«Сон-час, наверное, – подумал Голубчиков. – Да и для посещений еще рано».

В вестибюле было прохладно. Заглянув в отделение, майор спросил дежурную сестричку, где найти доктора Ефимова. Она указала на дверь справа прямо по коридору.

На двери – табличка «Ординаторская». Голубчиков толкнул ее и скрылся внутри кабинета.

Из-за стола вышел молодой человек, лет 25-30. Уставший, сонный.

Голубчиков предъявил удостоверение.

– Вы по поводу Егошкина? – спросил Ефимов.

– Да. И хотелось бы знать, как он себя чувствует, – майор присел на кушетку.

– Кофе будете? – предложил доктор и, услышав отказ, ответил: – А я буду. Вторые сутки на ногах, – подошел к шкафчику, достал банку растворимого кофе, насыпал ложку кофе и ложку сахара в чашку, залил водой, помешал. Потом сказал: – Отмыли мы его, одели в пижаму, взяли кровь на анализ, мочу. Могу сказать одно. Или он сам, или кто-то, но принял львиную дозу слабительного. Как вообще живой остался – удивляюсь. Жена пришла, принесла ему чистую

одежду. Сейчас сидит с ним, – Ефимов жестом указал на дверь. – Хотите, проведу к нему. Он в состоянии общаться. Только потерянный какой-то, угнетенный. Плачет. Представляете, взрослый мужчина плачет. Психотерапевт ему нужен.

Майор с доктором поднялись на второй этаж. Там, в одноместной ВИП-палате, временно находился Семен Егошкин. Жена сидела на кровати и держала мужа за руку.

При виде Голубчикова Егошкин вскинулся, заволновался, однако тот его осадил:

– Не надо. Лежите. Вам отдохнуть бы, прийти в себя.

– Вы, наверное, пришли поговорить? – тихо спросила супруга. – Так я выйду.

– Да, если не трудно, – согласился майор, – только далеко не уходите. Вы тоже понадобится.

Жена вышла. Голубчиков прошел к окну, осмотрелся. Вид из окна открывался райский. В прямом смысле этого слова.

Когда -то давно бывший главврач больницы предложил с тыльной стороны здания разбить сад из райских яблонь. Впоследствии сад окультурили, проложили дорожки, поставили фигурные скамейки.

Сергей Сергеевич смотрел на это чудо и думал о том, как давно он не был на природе со своей Наткой.

«Закончу это жуткое дело и возьму отпуск. Хоть на неделю. Выберемся на природу».

Егошкин тихонько кашлянул. Голубчиков вернулся к ре-

альности. Сел на стул, достал чистый лист бумаги, ручку и начал опрос свидетеля.

Итак, имя, фамилия, возраст, род занятий, семейное положение.

Закончив формальности, перешел к сути.

А суть оказалась очень неоднозначной и подозрительной.

В тот день Семен Егошкин должен был вместе со своим напарником Славой Козиным отвезти партию мебели в Троицк. Рейс был назначен, как обычно, на 8 утра. Но рано утром позвонил мастер и сказал, что товар еще не отгружен. «Сиди пока дома. Как будет все готово, я позвоню», – и отключился.

Егошкин не придавал этому событию значения, поскольку из-за чьей-нибудь халатности такие отсрочки редко, но случались. Он спокойно ждал звонка.

Петрович позвонил в три и велел приехать. Вроде все готово.

Когда Семен прибыл на склад, выяснилось, что потеряли стулья. Началась суматоха в поисках стульев. О том, что напарника до сих пор нет, Егошкин даже не думал. Как-то было не до него.

Пока нашли стулья на другом складе, пока привезли, погрузили, пока заполняли путевой лист, ставили печати, наступил вечер. О том, чтобы перенести поездку на завтра, мастер и слышать не хотел. А тут еще, как назло, Славкина жена сообщила, что тот слег с температурой. Вот и пришлось

ему ехать одному.

– Так, – подвел итог Голубчиков, – до сих пор мне все или почти все ясно, – он пожевал губы и спросил: – А что вы, дружище, делали там, пока шла вся эта суета? Вспомните, как можно точнее, где были, с кем общались. Главное, что ели, что пили? Может, кто угощал? Поймите, Семен Иванович, это очень важно, чтобы понять, что с вами случилось.

Егошкин напрягся. Наступила тишина.

«Вряд ли жена опоила слабительным несчастного, – анализировал ситуацию майор. – Слишком много времени прошло. Кто-то его угостил аккуратно перед выездом. Максимум за полчаса. Иначе он почувствовал бы себя плохо раньше и не поехал. А злоумышленникам надо было во что бы то ни стало отправить его в ночь с бурлящим кишечником. Поэтому беседовать пока с его женой нет особой необходимости».

– Семен Иванович, не надо вспоминать весь день. Восстановите в памяти события последнего часа перед выездом, – направил в нужное русло мысли потерпевшего Голубчиков. – Вы ведь перед отъездом, наверное, проголодались, пить хотели?

– Точно! – оживился Егошкин. – Мастер, когда меня упрасивал поехать, завел к себе в кабинет и накормил. У него же я кофе выпил.

– Чем угощал? – спросил жестко Голубчиков. Он, как опытный ищейка, уже почуял с какого конца тянуть за ниточку.

– Да обычно. Бутерброды с колбасой, сыром, кофе.

Майор резко встал и направился к выходу. В дверях буркнул что-то типа «выздоровливайте» и вихрем пронесся мимо удивленной жены.

Он напал на след. Пока приблизительный, неясный. Но чутье ему подсказывало, что надо спешить. Или сразу по горячим следам, или начнется игра в долгую. Он предпочитал первый вариант.

– Алло, Олег, ты где? – позвонил по пути Лобову. – На складе? Отлично! Задержи мастера по фамилии Иванов. Зовут Игорь Петрович. Жду тебя в отделе. Объяснения потом. Действуй!

Получив задание, Олег Владимирович Лобов вышел из здания полиции и направился к автомобилю. На стоянке его ждал старенький мерседес. Он сел в машину, завел двигатель и вдруг достал фотографии. Что-то не давало ему покоя в этих безжизненных лицах. Внимательно всматриваясь в каждую, он отложил одну. Это была фотография женщины лет 40. Глаза закрыты, лицо спокойное. «Как будто спит, – подумал он, – неужели, Светлана? Не может быть».

Он опустил голову на руль, предавшись воспоминаниям. Светка Антонова, подруга жены?

Лобов встряхнулся, переключил скорость и медленно выехал со стоянки.

Пока ехал на мебельный комбинат, все время думал о ней.

Случилось это лет 5 назад. Тогда в гости к ним приехала школьная подруга его жены Леры Света Антонова. Еще будучи девочками, они очень дружили и были, что называется, не разлей вода. После школы вместе поступили в областном центре в медуниверситет.

Света по окончании вернулась в Мохов. К родителям. А Лера еще во время учебы выскочила замуж за полицейского. Он казался ей героем ее романов. Был намного старше, имел мужественный вид и работал на самой что ни на есть мужской работе. Но, главное, он был обладателем собственной

однокомнатной квартиры в областном центре! Для Леры это было невообразимо! Остаться здесь, прописаться, найти работу в большом городе. Она так об этом мечтала. Муж очень любил свою жену. Жили они, можно сказать, счастливо. Лера работала в поликлинике врачом ЭКГ, муж ловил своих бандитов. Все было безоблачно, пока в их жизнь не ворвался Лобов.

Он в те годы уехал с Украины и прочно обосновался в России. По стечению обстоятельств был направлен в тот же отдел, в котором работал муж Леры Вадим. Однажды Лера заскочила к мужу на работу. Просто так. Шла мимо. В кабинете, кроме Лобова, никого не было.

Молодые люди увидели друг друга и все – жизнь с этой минуты изменила свое течение. Не прикасаясь, видясь впервые в жизни, между ними проскочили такие искры, такая химия, что остановить этот процесс могла, видимо, только смерть. Лера стояла в дверях, Олег сидел за столом. Они молча смотрели друг на друга. Когда зашел Вадим, Лера, не сказав ему ни слова, сбежала. Скрывать нахлынувшие чувства было невозможно.

Лобов еще не знал, что это была жена товарища по оружию и поэтому беспечно спросил:

– Что за сладкая ягодка посетила нас?

– Не твоего огорода ягодка, – как-то очень зло парировал Вадим. – Запомни, это моя жена, – и побежал догонять ее.

– Понял, – протянул Олег.

Огорчился ли он? Скорее нет. Слабый пол слишком любил и баловал Олега. Он вообще по натуре был падок на женщин.

На этой ноте конфликт, не начавшись, иссяк.

Однако время бежало вперед, а Лера все не выходила у него из головы.

И Лобов отправился к ней в больницу на прием.

Так начался бурный роман. Прямо там. В кабинете ЭКГ.

Оба потеряли голову. Искали любую возможность, чтобы встречаться.

Пока не узнал Вадим. Как и обычно это происходит – случайно. Видимо, так устроена жизнь, и все тайное рано или поздно становится явным. Особенно, когда чувства любовников переливаются через край, когда в любовные отношения вторгается сердце, когда нет сил расстаться после очередного свидания, когда хочется уснуть до утра в любимых объятиях, когда больше невозможно врать. Олег впервые в жизни захотел обрести семью с любимой женщиной.

Но они еще не были готовы раскрыться публично. Леру держали обязательства перед мужем. Она побаивалась его. Нервничал Олег. Некрасивая ситуация. Он спал с женой боевого товарища. А боевой товарищ очень скоро увидел собственными глазами, какие ветвистые рога выросли на его крепком черепе, когда совершенно случайно застал их целующимися у собственного подъезда. Просто проезжал по заданию мимо своего дома. Средь бела дня. Первым желанием

было выскочить из машины и застрелить обоих. Но взял себя в руки. Отъехал в безлюдное место, вышел из машины и громко, очень громко завыл, как раненый зверь. Все. Леры отныне в его жизни больше не было. Лобова – тоже.

Так Олег обрел семью. Жили в общежитии. Некоторое время пара купалась в ярких любовных эмоциях. Со временем, как и положено, наступила терпимая стабильность. Детей не заводили из-за отсутствия жилья.

Однажды в дверь комнаты, в которой они жили, раздался стук. На пороге стояла королева. Светлана Антонова приехала в областной центр по аптечным делам. Остановилась в гостинице. И, конечно, заглянула к любимой подруге.

У Олега опять сорвало крышу. На сей раз со Светкой. И, судя по тому, что они витворяли всю неделю в гостинице, Светлана была не против их бурного романа. Олег совсем потерял голову. Уходил в ночь из дома. К ее подруге. Лера рыдала в подушку. Проклинала себя за малодушие. Она по-прежнему очень любила его и отдавать никому не собиралась.

С этой целью обманутая жена заявила в гостиницу к Светке в номер и закатила скандал. Та рассмеялась ей в лицо:

– Ты дура? На фиг мне нужен твой нищий мент? У меня другие планы. Я хочу жить, а не существовать! – с этими словами она подхватила чемодан и покатила к выходу. – Пока, подруга, не парься!

Обалдевшая Лерка осталась в номере. Какое-то время она сидела неподвижно, тупо глядя в одну точку. Потом встала и медленно поплелась домой. Видеть Олега боялась.

Однако он как ни в чем не бывало встретил, обнял и сказал, что любит только ее одну. Его сердце принадлежит ей, а все остальные так, помутнение сознания, не более.

С тех пор Лобов никогда не видел Светлану. Хотя знал, что она по-прежнему живет в Мохове.

И вот фотография. Неужели Светка?

8

Предъявив удостоверение на проходной мебельного комбината, Лобов проехал на территорию.

– Где я могу увидеть Иванова? – спросил он у кладовщицы, принимающей товар.

– Это который за перевозки отвечает? Не знаю. Че-то сегодня его не видно, – потом махнула рукой в сторону конторы: – Спросите там. Они точно знают.

В конторе действительно знали. И были очень недовольны тем, что Петров не вышел на работу, да еще не отвечает по телефону. Совсем, видимо, совесть потерял. Секретарша возмущалась искренне. Ее сегодня достали все: водители, строители, грузчики.

– Мне это надо? – возмущалась она, отчего ее полная грудь так аппетитно поднималась, что Лобову пришлось попотеть какое-то время, чтобы не завалить ее на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.